

ФЭНТЕЗИ

АНГЕЛ

С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СЕРДЦЕМ

16+

Ванда Леваниди

Ванда Леваниди
Ангел с человеческим сердцем

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Леваниди В.

Ангел с человеческим сердцем / В. Леваниди — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Элизабет едва остаётся жива после необычного сна. Сон она довольно быстро забывает и уже на следующий день живёт, будто ничего не произошло. Но вскоре понимает, что с её сознанием кто-то играет. И эти игры ей не по душе. С наступлением темноты девушка видит в своей комнате незнакомого парня, а с рассветом он исчезает. Страх сменяется любопытством, и ей ничего не остаётся, как ждать ночи, чтобы узнать, кто он и почему следит за ней. Кто на самом деле дружба? Отчего умер отец? И почему его имя в памяти матери звучит иначе? Ответы на эти и другие вопросы, захватывающий сюжет, неожиданная развязка и, разумеется, любовь ждут тебя в этой книге.

Ванда Леваниди

Ангел с человеческим сердцем

Часть 1.

Глава 1. Моя размеренная жизнь.

Все еще плавая на поверхности сна, я чувствовала движение в темноте своей комнаты. Тяжесть во всем теле, ровное дыхание и чувство полета, наполнявшие меня изнутри, являлись верными признаками того, что мое тело находится в состоянии сна. При этом я четко видела себя со стороны, свернутую калачиком в кровати.

«Возможно ли, ощущать себя изнутри и снаружи одновременно?»

Чувство страха закралось в душу бесшумно и незаметно. Испытывая острую необходимость включить свет и вообще проснуться, мне не удалось даже приоткрыть глаза, хотя к этому прилагались непомерные усилия. Создавалось впечатление, что я больше не принадлежу себе.

Непривычная боль во всем теле, пульсируя, плавно пробиралась к мозгу, усиливаясь от малейшего движения. Все происходившее казалось очень странным, и мне пришлось признать тот факт, что в комнате я не одна.

«На счет три резко встану с кровати или хотя бы сяду на нее!»

По крайней мере, мне ужасно хотелось сделать это, но когда видишь себя свернутую калачиком со стороны, а изнутри уговариваешь встать – сосредоточиться, мягко говоря, не получается, а жуткий озноб и буйная фантазия включаются на полную мощность.

«Да что происходит, черт возьми!? Это просто сон... просто сон...»

Утро проникло в комнату светом, режущим даже закрытые глаза. Я потянулась. По боли в мышцах можно было с уверенностью утверждать: я не спала, а усердно работала всю ночь. Но, как ни странно, по всему телу растекался адреналин, подгоняя мое оцепеневшее тело чем-нибудь срочно заняться, только не сидеть на кровати, обездвижено, подобно памятнику.

«Что же меня тревожило ночью и не дает покоя сейчас?»

Минут пятнадцать я, меряя шагами комнату, пыталась придать необъяснимому чувству вполне уловимые очертания.

Но как только разум коснулся нужного воспоминания, мурашки табуном атаковали мое тело и я, обняв себя за плечи, произнесла, больше уговаривая себя, чем успокаивая:

– Это был просто сон! Плохой сон! Кошмар, в конце концов! Неужели мне никогда не снились кошмары!?

Утро протекало как обычно, если не считать испорченного настроения в связи с ночным кошмаром и еще парой пунктов, во главе которых возвышалась персона Ника Моргана. Каждая встреча с ним для меня была равносильна яростной пытке.

По пути в университет я увидела его. Он шел с двумя друзьями из магистратуры, запланировав провести время в одном из кафе, недалеко от здания университета. В нем обычно собирались все те, кто прогуливал. Я не могла утверждать, что преподаватели не знали об этом месте, но каждое пропущенное занятие должно было быть отработано, поэтому они не предавали этим прогулам значения. Студенты уже не относились к категории «дети», поэтому нам была дана относительная свобода в действиях, не касающаяся сдачи экзаменов.

Я ехала за компанией Ника, но они не обратили на мою машину никакого внимания, увлекшись разговором. Воспользовавшись тем, что меня не видят, я надавила на газ и промчалась мимо, свернув на следующем перекрестке.

Я предположила, что дорогу до университета Ник собрался идти в гордом одиночестве, и мне захотелось скрасить ее своим присутствием, не желая упускать возможности расставить все точки над «i» в наших отношениях. Для себя я решила, что эта попытка будет последней.

Он неплохой парень, но то, что он стал ухаживать за мной уже на первой неделе первого курса, навело мою неугомонную натуру на мысль о несерьезности его намерений, поскольку в любовь с первого взгляда я никогда не верила.

Несмотря на то, что букеты цветов, опущенные в пол глаза, пламенные и смущенные попеременно взгляды на уроках были трогательными, мне все же не хотелось играть на его чувствах, и вскоре я отвергла его знаки внимания, после чего он резко стал меня избегать. Не желая обижать его беспричинным отказом, я солгала, что у меня есть любимый человек. Это было очень необдуманно с моей стороны, так как он принял все близко к сердцу, и его реакция оказалось болезненной для нас обоих.

Врать я умела плохо, и он мне, разумеется, не поверил. Проследив за мной с неделю, он выяснил, что никого у меня нет. Как настоящий мужчина, ничего мне не предъявляя и ни в чем не обвиняя (я безмерно за это благодарна, и этот его поступок только усилил мое желание видеть его своим другом), он просто сделал вывод, что меня не устроила конкретно его кандидатура.

Им не было учтено одно «но», которое могло бы сгладить все неровности в наших отношениях: я вообще ни разу с парнями не встречалась, тем более, ничего к ним не испытывая, а встречаться для галочки, чтоб не отставать от других, не входило в мои принципы. К сожалению, Ник на тот момент ничего не знал о моих принципах.

Сказать нечего, ситуация получилась неловкая, но самое ужасное, что прошло уже три года и ничего с тех пор не изменилось – мы общались только по делу и на занятиях, а личного контакта он избегал.

Я бы так и оставила его с неудавшейся попыткой завоевать мое сердце, если бы не мой непростой характер. Даже зная, что он ни с кем не встречался после моего отказа, я не могла поверить в то, что он влюблен по-настоящему, поскольку не испытывала к нему того же. Я видела его переживания, и мне очень хотелось облегчить его мучения, но единственное, что я могла дать ему – стать надежным другом. Меня не покидала вера, что он простит меня, несмотря на мой выдающийся эгоизм.

Я много раз пыталась с ним заговорить, но разговор получался скомканным и перетекал в неправильное русло: или кто-то в неподходящий момент появлялся рядом, или пока я собиралась мыслями, он скрывался с поля моего зрения, или случалась еще какая-нибудь глупость.

Я никогда не была гордой до непробиваемости, мне казалось, что это отталкивает людей и придает твоему образу излишнюю самоуверенность.

«Не люблю таких людей и обхожу их стороной, чтобы не тратить на них свое здоровье. И мне удивительны те, кто вьется за такими девушками, пытаясь завоевать их взгляд, дружбу и, что вообще для меня страшно звучит, любовь. Но иногда люди пытаются казаться гордыми и обиженными, когда на самом деле они испытывают душевные переживания и страх. Мне кажется, что Ник из таких людей, а я хочу, чтоб между нами не было недосказанности, независимо от того, во что после этого превратятся наши отношения. Только тогда я буду уверена, что сделала возможное, чтобы все уладить».

Я припарковалась на стоянке недалеко от места, где остановились ребята, и поспешила, чтобы оказаться на пути Ника раньше, чем он завернет за угол. Выскочив из машины, я на ходу заблокировала двери и растворилась в улочке, пробегая вдоль крыш.

На бегу я не сводила глаз с места, откуда была видна заветная улица, и решила, что если Ник пройдет улочку прежде, чем я добегу – окликну его. К счастью, этого не случилось и, добравшись до нее, я вжалась в стену, чтобы привести в порядок дыхание. Посчитав мысленно до двадцати, я сделала шаг вперед, и оказалась в нескольких метрах от него.

Ник шел, улыбаясь, ничего вокруг не замечая и, видимо, вспоминая только что оборвавшийся разговор. Русые волосы отливали на солнце красным, а на лице прыгали солнечные зайчики. На нем была джинсовая куртка с меховым воротником, застегнутая до самого горла и джинсы, из-под которых виднелись до блеска начищенные туфли.

Вообще Ник всегда был аккуратным парнем, но не заикленным на порядке. Такие люди мне особенно нравятся, у них обычно и в жизни все так же: чисто, в плане искренности, но не исключены периодические взрывы эмоций.

Внутри меня теплилась надежда, что он использует возможность, оставшись со мной наедине. Оказалось, я просто тешила свое самолюбие – он был непреклонен. Столкнувшись со мной, он опустил голову, и, уходя прочь, даже не взглянул. Во мне все вскипело и, не выдержав, я крикнула ему вслед:

– Ты ведешь себя, как ребенок! Я не хотела отвергать тебя полностью. Я хочу, чтоб ты был рядом!!! Ты нужен мне как друг!

Он прошел еще шагов пятнадцать, и я уже решила, что он меня проигнорирует. Но, не сбавляя скорости, он развернулся и зашагал ко мне, остановившись передо мной с болезненным выражением лица.

– Мне не нужна твоя жалость, – сдавленным голосом произнес он и продолжил, усиленно жестикулируя руками, – Вы, девушки, очень странные существа! Когда парень, уделяющий вам внимание, не отвечает вашим вкусам, вы его отталкиваете, но вам очень даже нравится этот процесс. Как только он теряет к вам интерес, вы начинаете сходить с ума!

Его слова жгли меня изнутри, в горле стоял ком, а от обиды щипало глаза. Он сравнивал меня с той категорией девушек, о которой я упоминала выше.

«Или он совершенно не разбирается в людях, или просто хочет позлить меня. В любом случае, доказывать ему, что я другая, глупо и бессмысленно. Он совершенно меня не знает, если всерьез так думает. Одно знаю точно – я не хочу, чтобы он принимал решение, глядя на мои слезы».

Собравшись силами, я произнесла, вложив в слова всю искренность, на которую была способна:

– Это вовсе не жалость, и я совсем не схожу с ума оттого, что ты перестал мной интересоваться. Мне даже спокойно от этой мысли. Но почему ты ведешь себя так отчужденно? Неужели я не заслуживаю человеческого отношения?

– А зачем?– съязвил он, и я вскипела.

В мои планы не входила очередная ссора, я, наоборот, хотела наладить с ним отношения, но поддавшись его провоцирующему поведению, я сдалась:

– Что это значит!? Ты общаешься только ради взаимной выгоды? Я не могла ошибиться в выборе друга! Ты не такой, каким пытаешься казаться!– голос предательски задрожал и, развернувшись, я ушла прочь, закипая от злости.

Я знала, что эти слова беспроигрышны и он уже у меня на крючке. И пусть это было немного неправильно, но мне нужен был этот человек.

По моим убеждениям – дружба между парнем и девушкой существует при условии, что у парня есть дама сердца. Только так можно уверенно утверждать, что он искренен во всех своих словах и совершенно не претендует на твое внимание.

У меня имелась девушка для Ника – Лорен. Только он с ней пока еще не был знаком, и о том, что в моих мыслях они уже вместе, даже не догадывался. Нет, я не занимаюсь сводничеством, просто очень хочу, чтобы близкие были счастливы. В Нике я видела только друга, но не объект любви. Вообще о любви я мало что знала, так ни разу и не столкнувшись с этим чувством в свои 22 года.

Войдя в аудиторию, я кинула рюкзак на стул и схватилась за голову.

«Весь день безнадежно испорчен!» – пронеслось у меня в голове.

В университете меня знали как Элизабет Бентси, студентку третьего курса университета *** Западной Виргинии, в городке под названием Логан, на юге США. Я – девушка с вполне заурядной внешностью, не приписывающей меня к красоткам, но в тоже время во мне есть обаяние. В нескольких словах: невысокого роста брюнетка, с вьющимися длинными волосами и карими глазами.

Я никогда не старалась произвести впечатление или проявить себя во всем, что умею и чего не умею, так как считаю себя достаточно интересной, чтоб люди сами искали со мной общения.

Занятия еще не начались, ко мне подседа Сони Джонсон. Ее огненно-рыжие кудри были собраны в аккуратный пучок, а горящие, изумрудно-зеленые глаза явно избегали моего взгляда. Она чувствовала, что я на грани, и не хотела давать мне лишний повод, чтоб сорваться, поэтому завела разговор на отвлеченную тему, за что я была ей благодарна.

– Мне звонила Мери. Ей кажется, что ты постоянно находишься дома, и именно поэтому у тебя такое унылое настроение.

Выдержав паузу, она спросила, все так же избегая взгляда:

– Может, сходим куда-нибудь? Например, на аттракционы завтра вечером. Если не прокатимся, то поедем мороженное.

«И зачем только мама ей звонила, могла бы просто сказать о своих переживаниях мне».

На самом деле злилась я на себя, прекрасно понимая, что варианта лучше не существовало. Скажи она мне о своих сомнениях, я бы ее успокоила, решив больше не показываться на глаза в таком настроении, но надолго меня бы не хватило – через пару дней все бы повторилось.

– Хорошо, я согласна, давай сходим! – вопреки всем мысленным протестам, а главное себе на зло, сказала я, – Только позовем Лорен и Роберта – они точно будут не против.

С Сони мы знали друг друга с первого курса. Она не из девушек с модельной внешностью, но ее привлекательности нет предела.

Наши с ней отношения относились больше к разряду духовных, чем физических. Мы очень хорошо друг друга чувствовали, и нам не обязательно было видеться каждый день, чтоб поддерживать отношения.

Я бываю у нее редко, но когда все-таки решаю навесить, всегда попадаю либо в минуты ее безумной радости, либо наоборот.

Мне бы очень хотелось, чтоб в ее жизни было меньше плохого, но зависит это, к сожалению, не от моего желания. Полгода назад Сони потеряла маму в автокатастрофе – машину занесло на встречную полосу, когда выпал первый мокрый снег в конце октября. Через день после ее смерти Сони пришла и осталась у меня на трое суток. Замкнутая в выражении эмоций, она сказала только одну фразу при встрече:

– Я не в силах идти туда, где видела ее живой еще вчера.

Кроме этих слов я от нее в те дни ничего не слышала, мне даже становилось страшно, когда я смотрела на ее молчаливые страдания. Я не давила на нее, а она не хотела ничего говорить, мы и без слов прекрасно понимали друг друга. Что бы я ни делала, она помогала мне, но при этом постоянно плакала и ходила за мной тенью, боясь оставаться наедине с собой. Понимая это, я не отходила от нее ни на секунду, даже ночью. Она не рыдала и не билась в истериках, ничего не просила и ни на что не жаловалась, но засыпала и просыпалась с мокрым от слез лицом.

Через три дня она уехала домой. Я боялась ей звонить, просто не зная, что сказать. Сони не появлялась в университете еще пару дней, и я для себя решила, что если и на следующий день не придет – схожу к ней домой. Но подруга появилась, как ни в чем не бывало: разговаривала, улыбалась, обыденно шутила, никого не игнорировала и не уходила в себя. Только под глазами виднелись два больших синих мешка, которые она даже не пыталась скрыть, лишь слегка припудрив лицо.

Мне было жаль ее – я своего отца почти не помнила, но все еще не могла думать о его смерти спокойно, а Сони достаточно знала и помнила свою маму, была с ней очень близка, и та боль, которую ей пришлось пережить, казалась мне невообразимой.

С тех пор прошло не так много времени, и создавалось впечатление, что она уже оправилась. Я не спрашивала ее об этом, опасаясь пробудить в ней едва уснувшее воспоминание о маме и боль, которую ей пришлось подавить самостоятельно. Ее отец, после смерти жены погрузился в работу с головой. Смыслом его жизни стали работа и дочь, которая, к сожалению, не возглавляла этот короткий список.

Весь день протекал, словно в густом тумане – медленно и беспросветно. Ничего толком не запоминая из сказанного преподавателями, я с трудом успевала записывать лекции, оставляя постоянные дыры в конспекте, в надежде потом переписать у ребят. Я непрерывно размышляла о своих друзьях, и не сводила взгляд с часов, желая, чтоб этот бесконечно долгий день скорей закончился.

Сидя на занятиях, я откровенно скучала и все сильнее раздражалась, срезая на корню непреодолимое желание сбежать куда-нибудь, где никого нет, чтобы поплакать или вдоволь позлиться на происходящее в моей жизни.

Взяв себя в руки, я стала прокручивать мысли в более спокойных тонах.

«Что именно меня раздражает – холод, исходящий от Ника или то, что я виновата в этом не меньше него? В конце концов, я и без него раньше жила.»

Помучив себя минут двадцать болезненными мыслями, я решила не забивать больше голову и думать о чем-то хорошем, например, о завтрашнем вечере. Мне, конечно, было обидно, что мама так поступила, но тот факт, что завтра я смогу отвлечься и отдохнуть от всех проблем, вселял радость.

На последней лекции мы разговаривали о фондовых рынках и смотрели документальный фильм с выключенным светом. Я, само собой разумеется, не запомнила, о чем фильм, потому что уснула сидя за своей партой, опустив голову на тетради с мягкой обложкой.

Звонок был одновременно и спасительным, и напугал меня до смерти. Мне пришлось разлепить веки прежде, чем включают свет в аудитории, чтоб не казаться посмешищем. Я улыбнулась, мысленно поблагодарив мистера Мэйсона за возможность выспаться на его занятии.

Небрежно закидывая в сумку свои вещи, я поспешила прочь из альма-матер, чтобы поскорее встретиться с друзьями.

Глава 2. Незванный гость.

Уже несколько часов как мы бродили неподалеку от университета, не желая расставаться. Виделись мы не так часто, как хотелось бы, по причине не соответствия свободного времени. И сегодня один из тех редких подарков судьбы, когда у меня и Роберта с Сони совпало время окончания занятий, и я искренне радовалась этому совпадению. Мы присели на скамейку недалеко от парка и непринужденно болтали.

Погода встретила нас солнечной улыбкой, и это был довольно приятный сюрприз, несмотря на то, что уже апрель месяц, и солнце давно должно было выиграть битву с зимними хмурыми днями.

В небе самоуверенно и медлительно плыли серые и мутные облака. Пришлось принять мысль о том, что тепло и солнечное настроение могут не раз еще уступить власть уверенной в себе и строгой королеве-зиме, которая до сих пор держит позиции, судя по пробирающему до костей холодному ветру. Настроение стремительно стало падать.

– Роберт, – сквозь душащий смех сказала Сони, – как вообще такое могло прийти тебе в голову! Я думаю, что мисс Морган будет не так весело, как нам с тобой, столкнись она с яркими красками твоего воображения в реальности. Так что давай лучше оставим эту идею просто фантазией, – и снова зашлась смехом.

Я улыбнулась и немного сожалея, поняла, что большую часть разговора прослушала, но мне не хотелось нарушать их идиллию своими глупыми вопросами, показав тем самым, насколько я невнимательна.

С Робертом мы познакомились еще в школе, в восьмом классе, и сидя за одной партой, сразу нашли общий язык, став друзьями, что называется «не разлей вода». Он не местный, и приехал в наш город из Калифорнии, но в рассказах о своей прошлой жизни всегда был очень скуп и не конкретен. В свое оправдание, он утверждал, что был совсем ребенком, и весь период жизни в Калифорнии называл просто «детством».

Роберт очень спокоен, общителен и наблюдателен. Особенно наблюдателен! Что бы со мной не приключалось, он оказывался всегда рядом. Иногда даже складывалось впечатление, что он за мной следит.

Когда его перевели к нам в школу, он уже был хорошего телосложения и выглядел довольно взрослым в сравнении с мальчиками – подростками нашего класса. И не мудрено, что все девчонки сразу повлюблились. К концу школы он не особенно изменился, хотя наши парни окрепли и, как минимум, поменяли тембр голоса. Я себе это объяснила «ранним взрослением», о котором мы много говорили на уроках анатомии и психологии.

Ни о каких отношениях, кроме дружбы, у нас с ним не было и речи – я всегда его воспринимала как брата. А вокруг него до сих пор выются, и будут виться все авторитетные девушки университета разных возрастов, ведь он – высокий широкоплечий брюнет с коротко стриженными волосами и безупречными чертами лица. В нем сочетается и мужественная сила, и божественная красота. Глаза цвета топленого шоколада, обрамленные густыми черными ресницами, делают его лицо немного детским и застенчивым, но в целом он прекрасен.

Месяц назад Роб решил перевестись на факультет Сони (тогда-то они и познакомились). Для меня это было неожиданно, ведь у него и на нашем факультете все шло гладко: с преподавателями он не конфликтовал, оценки были замечательные и ребята, с которыми мы посещали занятия, к нему хорошо относились.

Он объяснил это тем, что передумал получать экономическое образование и менеджмент больше подходит его натуре. В общем, внятной причины я так и не услышала. В свое время, мы с ним вместе выбирали факультет, одновременно поступали и посещали занятия, и я привыкла к такой роскоши, что Роб всегда рядом. А теперь, без него, мои дни стали пустыми и бесконечными. Оставшись одна, я старалась посещать занятия в привычное время, чтоб не заводить новых знакомств и не растерять старых. Я не слишком общительная девушка, но и одиночество не люблю, хотя, как и все, периодически нуждаюсь в нем.

Сони и Роберт очень скоро сблизились и, видя постоянно их вместе, я искренне радовалась за обоих. Порой мне казалось, что он чувствует к ней больше, чем просто дружескую привязанность, но не говорит об этом, боясь разрушить уже существующие отношения. А возможно, не уверен во взаимности своих чувств и вполне доволен имеющимися отношениями. Я старалась не вмешиваться в их дела, хотя и мечтала увидеть в них пару. Однажды я спросила его о чувствах к Сони, но он ответил весьма неоднозначно и коротко:

– Она и без того во многих аспектах предпочитает меня другим парням, и за это я ей благодарен! – после чего тут же сменил тему, а я и не настаивала, не желая быть непрошеным гостем на просторах его души.

Близился вечер. Я утром пообещала маме запечь курицу в духовке, да и нужно было еще по дому кое-какие дела сделать до ее прихода, поэтому пришлось попрощаться с друзьями. Ребята тоже засобирались.

Разошлись мы на хорошей ноте. Направляясь к машине, я всматривалась в ярко-красное солнце, успевшее опьянить мое сознание своим теплом, и впитывала в себя вечерние краски. Откидываясь на сидении и нехотя заводя мотор, я тронулась в сторону дома. В животе урчало, и кроме как о предстоящем ужине, я ни о чем не могла и не хотела думать.

Наш городок не является ни столицей, ни провинциальной дырой, он представляет собой нечто среднее. Центр города весь застроен высотками и торговыми центрами, и в нем практически не осталось зелени, но до окраин застройщики еще не добрались. Нам с мамой повезло, мы жили на самой окраине, в районе, где пока еще можно встретить зеленые деревья, кусты и траву, конечно, не такую сочную и зеленую, как хотелось бы, но настоящую. Природы здесь явно недостаточно, но больше, чем в городе, – это однозначно.

Отомкнув замок, я вошла в дом, отметив про себя, что эти несколько движений, повторяясь со времен школы, уже запечатлелись в моей памяти, и дошли до автоматизма.

Дом мне показался зловеще пустым и затемненным с приходом сумерек. В окна вливался свет, который уже и вечерним трудно было назвать.

«Почему я раньше не замечала этого жуткого времени суток?»

Я всеми силами старалась отвлечь себя от непонятного ужаса, охватившего меня, едва я перешагнула порог дома. То и дело меня одолевали до смеха страшные предрассудки в виде оживших из фильмов ужасов тварей, которые поджидали меня за углом, прятались за дверь, в темной прихожей или шумели в моей комнате.

Мне было смешно представлять себя со стороны и в то же время странно понимать, что я единственная из всех моих друзей, никогда не реагировавшая на фильмы ужасов... боялась ходить по собственному дому вечером.

Я зажгла повсюду свет, принимаясь за дела, и страх стал отступать. Начиняя курицу, я старалась думать о завтрашнем дне, о друзьях, о Лорен, которую не видела уже около недели.

Во взаимоотношениях с Лорен все совсем иначе, чем с Сони. Она везде, всегда и всюду и, кажется, что ее энергии нет предела. Я всегда должна быть в поле ее зрения, иначе у нее возникает ощущение, что наша дружба себя исчерпала и, как ни странно, с ней я чувствую то же самое. Я становлюсь другой – такой, как она – быстрой, болтливой и забавной. И меня это устраивает. Может, эта ее задорность и пройдет с годами, по мере ее взросления, но я буду одной из тех, кто знал ее такой взрывной.

Лорен обладает сильным магнетизмом, наверно, благодаря голубизне ее глаз. В ней все не сочетается и этим притягивает взгляд. Черные густые волосы и голубые глаза придают выражению ее лица элегантность и манерность, что также не сочетается со скоростью речи и быстротой в движениях. Она младше ребят на год и учится на втором курсе в нашем же университете, но чересчур умна для своего возраста. На правах подруги детства, она была представлена моим друзьям, и скоро влилась в нашу компанию, благодаря умению быстро налаживать контакты с людьми.

За ужином я поделилась своими планами, и Мери (так я называла маму за глаза) осталась довольна моим решением присоединиться к друзьям в субботу. Я не стала винить ее в том, что она вмешивается в мою жизнь – это лучше, чем быть обделённой материнским вниманием (все-таки ситуация с Сони оставила большой отпечаток в моем сердце – я стала ценить каждую минуту рядом с мамой).

Мама – спокойная и самодостаточная женщина, довольно стройная и активная по меркам своего возраста. Ее благородные черты лица с глубокими и очень грустными глазами подчеркивают хронически уставший взгляд, появившийся в результате пережитого горя.

Отец умер, когда мне было три. Из этих давно минувших дней вспоминаются только слезы матери. После его гибели она очень долго не могла прийти в себя. Причину смерти отца я не знала и, поскольку эта тема до сих пор очень болезненна для матери, она никогда не

затрагивалась мною. Мне было страшно снова увидеть в ее глазах зияющую пустоту, которая открывалась мгновенно, от простого намека о разговоре на болезную тему. После смерти отца она так и не нашла в себе силы выйти снова замуж, и, возможно, я ей за это благодарна.

Мы еще немного посидели после ужина за чашкой чая и посплетничали о моих друзьях. Я рассказала ей о последнем разговоре с Ником и тут же стала винить себя за излишнюю болтливость, глядя на ее расстроенное лицо. Заглаживая предыдущий диалог, я призналась ей, что мне тяжело без Роба, а она тут же отметила, что с Сони они гармоничная пара.

Мама относилась к выбору моих друзей очень скрупулезно и, прежде чем дать добро на то, чтоб отпустить меня с кем—то из них даже просто в кафе, требовала личной встречи в неформальной обстановке. Можно сказать, что все мои друзья прошли «фейс-контроль». И пусть сегодня понятие «друг» немного поменяло свое значение, и другом может слыть даже тот, кто дал списать на контрольной – она старомодна в этом плане. Да и во многих других тоже. Для нее друг – это член семьи, а кого попало в семью не впустишь. И я полностью согласна с ее доводами.

Отправляясь спать, я поцеловала маму и стала подниматься в свою комнату. По пути выключая свет, я представила, как когда-то по этой лестнице поднимался мой отец, вот так же выключая свет и стараясь не шуметь, чтоб не разбудить меня, мирно сопящую в своей комнате.

Этот дом достался нам с Мэри от отца. Кроме нас у него была только мама, которая уехала во Флориду сразу после его смерти, и осталась там, выйдя замуж во второй раз. Бабушка жила получше нас, и это мягко сказано, поэтому безоговорочно дом был оставлен Мэри.

Я поднималась наверх, вся в раздумьях о папе, бабушке и маме, когда на меня десяти-метровой волной нахлынули все переживания прошлой ночи. Мне стало не по себе от понимания того, что я так легко забыла свои страхи и кошмары, мучавшие меня всю прошлую ночь. А теперь, стоя у двери в свою спальню снова, я, захлебываясь от воспоминаний, волнения и страха, приложила немало усилий, чтобы заставить себя дернуть ручку и открыть дверь.

Комнату заливал лунный свет, и в нем я отчетливо разглядела силуэт мужчины, сидящего на моем подоконнике. Страх внезапно улетучился, уступая место злости. Я включила свет, готовая к серьезному разговору и выяснению отношений, с человеком, который пробрался в мой дом незаконно.

Но его не оказалось на месте. Комната была пуста. Я подбежала к окну и распахнула его. На улице тоже никого.

«Да что же это со мной!? Неужели я схожу с ума!?!»

Я была уверена, что видела мужчину. У меня не было оснований не верить своим глазам. Но все же границы нормальности стирались от воспоминаний о том, что происходило со мной за последние несколько ночей. Слова «сон» и «ночь» теперь вызывали во мне противоречивый трепет.

Я сильно устала за день и, пообещав себе об этом больше не думать, собралась поскорее лечь спать. Мое воображение уже издевалось надо мной, пугая неопределенностью реальности, отчего я твердо решила спать при свете ночника.

Включив ночник, я выключила основной свет и стоя спиной к окну, быстро сняла с себя лишнее. Запрыгнув на кровать, я укрылась одеялом, невзначай бросив взгляд на подоконник. Мелкой рябью страх прошелся по моему телу повторно, когда я встретилась с черными бездонными глазами.

Казалось, что все это время он вообще не двигался с места. Все так же вальяжно развалившись на подоконнике, свесив одну ногу вниз, и скрестив руки на груди, парень смотрел на меня, не моргая, и улыбался.

– Кто ты? Ты пугаешь меня! – дрожащим голосом спросила я, сбивая страх злостью, чтоб вернуть себе способность думать.

Он, не переставая улыбаться, отвечал спокойно, чуть хриплым голосом:

– А разве тебе не интересно, как я здесь оказался, Элизабет?

Я сжала кулаки под одеялом и спокойно произнесла, не повышая голоса:

– Да мне все равно как ты сюда попал! Если ты сидишь в моем доме в позе хозяина и смотришь на меня полуголую, значит, еще не такое можешь. Только одно не могу понять, почему ты здесь? Кто ты!?

Он молчал и все так же уверенно улыбался. Я ощутила легкое головокружение, быстро сменившееся желанием почувствовать головой подушку.

«Я что теряю сознание? Да кто он такой и что ему нужно? Что происходит?»

На этом мои мысли оборвались.

Утро следующего дня по ощущениям очень напоминало предыдущее. Я снова чувствовала прилив энергии, и мне хотелось взорваться адреналином. А все воспоминания о прошедшей ночи по неизвестной причине были очень мутными и обрывочными. Чем больше я пыталась их вспомнить, тем больше мысли превращались в туман.

Спешить было некуда, поэтому я, сидя на краю кровати, полная переживаний, стала собирать все мысли воедино.

«Кто этот человек... и человек ли??? Первый раз я почувствовала весь этот ужас прошлой ночью, но так и не смогла открыть глаза, чтобы посмотреть, что происходит. Но я точно знала – я не одна. А сегодня ночью все повторилось. Что за чертовщина!?»

Как никогда мне хотелось, чтобы все происходящее оказалось плодом моего больного воображения. Я никогда в сверхъестественные вещи не верила и относилась с осторожностью к людям, верящим в такую чушь, а сейчас эта «чушь» стала прямым образом вливаться в мою жизнь.

Не обнаружив странного ночного гостя в своей спальне, я решила ничего не предпринимать.

«Да и предпринимать особо нечего, я же о нем ничего не знаю. Остается просто ждать дальнейшего развития событий. В конце концов, если бы он хотел причинить мне боль или... убить – уже бы сделал это».

Расставив в голове все по местам, я немного расслабилась и стала заниматься повседневными делами, размышляя о вечерней поездке.

Настроение улучшилось, но меня не покидало чувство, что за мной следят. Это чересчур захватывающее ощущение и очень непозволительная роскошь знать о том, что в твоём доме находится посторонний, точнее потусторонний, не имеющий ничего общего с людским родом, и ничего не предпринимать.

Ближе к шести часам я стала одеваться и готовиться к встрече с друзьями. На улице выдался очень теплый и солнечный день, который перетекал в не менее теплый вечер.

Я выскочила из дома и, добежав до ворот, вспомнила, что забыла телефон. В спешке возвращаясь, я снова увидела его, и от неожиданности споткнулась о порог. Незнакомец стоял прямо за дверью, в самом темном углу, куда не попадал дневной свет, но не заметить его было невозможно.

В тот момент, когда по сценарию я должна была, по меньшей мере, удариться головой об дверь, он меня поймал и не отпускал до тех пор, пока я не пришла в себя и не отдернула от него руки. Тогда он улыбнулся и самодовольно произнес:

– Дэвид.

– Не скажу, что безумна рада знакомству, Дэвид, поскольку тебя никто не приглашал. И знакомиться с человеком, который следит за мной в моем собственном доме, я не имею никакого желания.

Схватив телефон с тумбы, я развернулась и вышла из дома, в полной уверенности, что он улыбается.

Разумеется, меня настораживал тот факт, что в моем доме находится настойчивый тип, которого я не знаю, но сделать с этим я ничего не могла.

"Даже если сообщить об этом в соответствующие органы, они мне не помогут. Он ничего не украл, и я уверена, что его следов в доме тоже нет. И смогу ли я вообще доказать что в доме был (и есть) посторонний? Что же ему нужно? Кроме имени мне о нем ничего не известно. Дэвид...».

Мне вдруг захотелось вернуться и закончить наш разговор, прийти к какому-то заключению, узнать правду, но у меня не было уверенности, что вернувшись, я снова обнаружу его там. Выбросив все мысли о нем из головы, я села в машину, повернула ключ и нажала на газ.

Глава 3. Стечение обстоятельств.

– Элизабет, ну наконец-то... – я услышала голос Лорен, выходя из машины.

Вынимая сумку, я уловила краем глаза, что людей собралось больше, чем обговаривалось.

На мне были джинсы, выгодно подчеркивающие мою фигуру и белый вязаный свитер с «рукавами-летучками», который мама подарила еще на совершеннолетие.

Не знаю как у других, но я очень привязываюсь к старым вещам, и доверяю им больше, потому что чувствую себя в них привычнее, уютнее и увереннее, почти как со старыми друзьями.

– Привет, ребята-та... НИК?????? – мой голос дрогнул.

Я была, мягко говоря, в шоке... Он стоял, слегка наклонив голову, рядом с Сони.

– Но... – подавляя истерический смех, я растеряла все слова.

– А я решила, почему бы Нику не пойти с нами... – кокетливо улыбаясь, пришла на помощь Сони.

Вне себя от счастья, я робко шагнула к другу. По выражению его лица и смущенной улыбке, я поняла, что он не против, и кинулась ему на шею с криком:

– Я так рада, Ник!!! Так рада!!! – слова застряли у меня в горле, и я прижалась к нему сильнее, с трудом подавляя слезы.

– Элизабет, ты была права вчера. В общем, пусть все остается в прошлом, – он как-то вымученно улыбался, и все время отводил глаза в сторону, по-детски поглаживая меня по волосам.

Мне хотелось, чтобы он перестал смущаться и показал свои настоящие эмоции, в которых были, без сомнения, радость и счастье от происходящего. Взяв себя в руки, я оторвалась от него и стала включаться в разговор. Ребята уже решали, куда пойти в первую очередь.

Компания собралась просто замечательная – только близкие и дорогие люди: Лорен, Сони, Роберт и... Ник. От радости, мне стало все равно куда идти, ведь одна из проблем, грузом висевшая на мне столько лет, разрешилась. И за это, я так полагаю, надо было благодарить Сони. Я подмигнула ей и поймала ее взгляд, полный удовлетворения.

Мы прокатились на нескольких аттракционах, съели по мороженому и, смеясь, зашли в кафе. На улице уже стемнело и, в связи с этим, народу в помещении было много.

Мы долго сидели и за разговорами пили кофе с десертом.

– У кого какие планы на завтра? – ковыряя ложкой мороженое, спросила Лорен.

– С отцом идем по магазинам, хотя на мне пара докладов висит, и я даже не представляю, когда успею все сделать – возмущенно отозвалась Сони.

– С отцом??? – искренне удивилась я.

– Представляешь, он решил, что мы недостаточно времени проводим вместе, и надумал совместную вылазку. Мой отец думает очень обобщенно и не понимает, что каждая девушка

индивидуальна и мне, например, не нравится шопинг. Я, конечно, покупаю себе вещи, но никогда не трачу на это целый день, мне достаточно двух часов.

– Не переживай так, Сони. Я думаю, что он просто пытается найти общие темы. Если тебя не устраивает шопинг, тогда предложи ему то, что понравится ему, или сама найди с ним общие интересы. Можно ведь никуда не ходить, а просто приготовить вкусный ужин и поговорить с ним по душам. Он ведь устает на работе и, я думаю, что этот вариант будет более приемлем для него самого, нежели утомительный для вас обоих поход по магазинам.

– Наверное, ты права, Элизабет. Я так и сделаю, – быстро согласилась Сони.

Я знала, что ей не хочется оставаться с отцом наедине, и она пытается это скрыть, но им обоим необходимо было снова обрести друг друга и стать друг для друга опорой. Ведь после смерти матери, Сони всего несколько раз пыталась поговорить с ним, но все безрезультатно. По ее словам, разговор не клеился, и обсуждение больной темы не с чего было начать, да и начинать никто из них не находил в себе сил.

– Нам с Ником повезло – у нас обычно понедельник не сильно загружен. Я, скорее всего, займусь домашними делами и схожу, заберу вещи из химчистки, – попыталась направить разговор в другое русло я, чтоб не выставлять личную тему Сони на всеобщее обсуждение.

– Я с тобой, – быстро затараторила Лорен, – мне просто необходимо выбраться из дома. Ты ведь не против, если я буду бегать за тобой весь день?

– Ты же знаешь, что я только рада буду провести целый день в твоей компании, – польстила ей я, и она улыбнулась в ответ.

– Я помогу тебе с уборкой! – добавила она.

– Договорились! – весело улыбнулась я, в мыслях уже перебирая занятия, повеселей уборки и похода в химчистку.

Время от времени я ловила взгляды Ника, которые уже не скрывали в себе пылкие чувства, как прежде, а выражали спокойствие и умиротворение. Он совершенно не смущался, а ободрительно улыбаясь, смело заглядывал мне в глаза. Таким, Ник мне нравился больше – уверенным в себе и спокойным другом, а не влюбленным поклонником из дамских романов.

Народу прибавлялось все больше, отчего в кафе стало душно, и мне захотелось подышать воздухом. Я извинилась и встала, направляясь к выходу. Ник схватил меня за руку и предложил составить компанию. Улыбнувшись, я отказалась, уверяя, что выхожу ненадолго, и он, кивнув в знак согласия, вернулся к разговору с Лорен.

«На самом деле, я очень даже хочу, чтобы он пошел со мной, но то, о чем бы мы разговаривали, можно будет и потом обсудить, а вот с Лорен они не часто смогут видеться. Все-таки мой план по созданию пары Лорен – Ник обязан сработать».

Направляясь к выходу, я думала о том, что в свои 22 я все еще без пары, но при этом умудряюсь сводить других. И представив себя амуром, нацелившимся в затылок Нику, я с трудом удержалась от смеха.

Проходя вдоль столиков, я обратила внимание на то, что люди заполняли кафе по краям, центральные столы оставались свободными все, кроме одного. Мне показалось это забавным совпадением. За ним сидел одинокий мужчина лет тридцати и пил кофе. Я взглянула на него мельком и, остановилась, точно прикованная, утопая в его пьянящем взгляде. Он смотрел на меня, не отрывая глаз, и меня пронзило понимание, что я вижу его не впервые.

На нем был костюм из дорогой ткани кремового цвета и туфли темнее костюма на один тон. Его темные волосы и выступающие скулы, взгляд и плавные движения, которыми он подносил чашку ко рту, будоражили мою память, но нужный ответ никак не появлялся в голове. Я так и не смогла вспомнить, кто он и откуда я его знаю. С трудом оторвавшись от его безумных серых глаз, провожающих меня неприкрытым и пристальным взглядом, я выскользнула в прохладные объятия вечера.

Находясь под сильным впечатлением, и безрезультатно пытаюсь выбросить из головы мысли об этом мужчине, я всматривалась в темноту неба, разорванную желтизной лунного диска, в попытках восстановить способность размеренно думать. Не понимая, что со мной происходит в последнее время, но отдавая себе отчет в том, что ни к чему хорошему это самочувствие не приведет, я пыталась взять себя в руки, и найти хоть одно внятное объяснение происходящему.

Тело ломило от усталости и опустошения, а руки дрожали. Мне захотелось оказаться дома и уснуть на месяц, отрезав себя от внешнего мира непробиваемыми стенами из толстого стекла. Решив, что причина усталости в долгом сидении на одном месте, я зашагала прямо, сама не осознавая куда, в надежде взбодриться от движения. Но легче не стало. Мне становилось все сложнее держаться на ногах, а глаза то и дело застилал туман.

Обернувшись, я увидела, что он вышел из кафе. И только глядя на него в полный рост, я вспомнила, где и сколько раз с ним сталкивалась.

Первый раз я обратила на него внимание, когда пришла домой к Лорен. Стоя в конце улицы, и искоса поглядывая в мою сторону, он разговаривал по телефону. А во второй раз, когда я шла в университет, опаздывая на занятия, а он стоял недалеко от входа и заглядывал в окна. Я еще подумала, что, наверное, он ждет девушку с занятий, и в сердцах позавидовала ей.

«Поздно предаваться воспоминаниям, время подумать о том, что на улице темно, кафе далеко позади, а я двигаюсь в неизвестном направлении!» – одернула я сама себя.

подавив в себе панику, и решив для начала остановиться, я с ужасом обнаружила, что не могу контролировать свое тело. Ноги несли меня туда, где вообще не было людей, хотя я прекрасно знала, что этого делать нельзя.

Оглянувшись, я увидела, как он неспешным шагом идет за мной, держа руки в карманах, всем своим видом давая понять, что я от него никуда не денусь.

Чувствуя бессилие, разгоняемое вместе с кровью по венам, я поняла, что вот-вот отключусь. Я потихоньку ТЕРЯЛА СОЗНАНИЕ без причины!

стирая грани, разделяющие реальность и мой внезапный сон, я позволила себе закрыть глаза, и тут же потеряв равновесие, стала падать.

«... МНЕ НЕЛЬЗЯ ОТКЛЮЧАТЬСЯ, ЕМУ НУЖНО КАК РАЗ ЭТО!», – пронеслась в голове мысль, с огромным опозданием, словно последняя электричка, унося с собой шанс на спасение.

Но прежде чем моя голова коснулась земли, меня подхватили руки. Я почувствовала учащенное дыхание над ухом, и стихающее звериное рычание неподалеку. Мне вдруг стало легко и спокойно.

Глава 4. Томительное ожидание.

«Интересно, я еще жива или уже умерла?»

Сосредоточившись на своем теле, я сумела пошевелить пальцами и сжать руку в кулак. Рассеянный по комнате утренний свет отозвался болью в приоткрытых глазах, выливаясь слезами, и я, не сопротивляясь внутреннему порыву, их закрыла.

«Больно – значит, жива. Уже хорошо».

– Ма-ма, – почти шепотом позвала я.

Сжав руками простынь, я поняла, что уже дома, в своей кровати и позволила себе утонуть в густом тумане спокойствия.

Знакомый аромат и тепло, исходящие от маминых рук вернули меня в реальность. Я улыбнулась ей, и мама тут же засыпала меня всеми вопросами, которые копились это время у нее в голове.

– Как ты, милая? Элизабет, в чем дело? Расскажи мне, что случилось? Это правда, что рассказали твои друзья? – ее голос был полон тревоги.

– Смотря, что они рассказали, – отшутилась я, заставляя себя улыбнуться, чтоб мама перестала переживать.

Улыбка не оказала на Мэри запланированного мной облегчения и, хмуря брови, она продолжала:

– Сони сказала, что ты вышла подышать воздухом, и тебя не было больше часа. Они испугались, но уходить не стали, в надежде, что ты вернешься. Ты оставила и сумку, и мобильник в кафе. Отчаявшись тебя искать, они решили сообщить мне, и пришли сюда. Я так испугалась, милая! – слезинка скатилась по ее лицу, а голос дрогнул, – Я побежала в твою комнату с робкой надеждой увидеть тебя здесь. Я не верила в это, я думала, что и тебя потеряла! – мама встала и подошла к окну, слезы душили ее, и она перестала их сдерживать.

У меня сжалось сердце, захотелось встать, успокоить ее, обнять и заставить не думать о плохом. В борьбе с разумом, утверждающим, что встать у меня не получится и моя неудача только сильнее напугает маму, выиграла совесть, и я решила попытаться. Я точно знала, что не смогу даже руку поднять, но один толчок и тело, как пушинка, легко и плавно проделало нужные движения само. Я даже на мгновение застыла, не веря в происходящее.

«Как после всего, что я чувствовала до прихода мамы, я смогла так легко встать? Мне даже хочется пробежать пару километров. Так, соберись...» – я с трудом удерживала паническую атаку, – «...мама ничего не знает, и надеюсь, я найду способ скрыть от нее правду, в которую сама не до конца посвящена, и только потом устрою «разбор полетов».

Направляясь к ней, я уже придумывала ответы на ее вопросы. Сказать, что за мной следил человек, который лишил меня сначала воли, затем сознания, понятное дело, я не могла. Поэтому выговорила первое, что смогла придумать:

– Мамочка, они зря тебя напугали. Мы вчера весело провели время на аттракционах, а потом зашли поужинать. Я настолько сильно устала, что просто не смогла дожждаться, когда ребята захотят разойтись. Тем более, у каждого из них была пара, а я была одна и если бы собралась уйти, то испортила бы им вечер. И потом, я давно не была в таких местах с друзьями, поэтому эта прогулка меня утомила. Эмм... я собиралась позвонить из дома, но мобильник оставила на столе в кафе. А дома с трудом добралась до кровати, так сильно хотела спать. Ну прости меня, мамочка!

Меня немного успокаивало то, что из сказанного мной только процентов десять было придумано. Я не любила врать маме, ведь это подрывает взаимное доверие, так похожее на бумагу, которую, помяв один раз уже никогда не сделать идеально гладкой, как ни старайся.

– А как же ты добиралась до дома?

«Вот это вопрос!!! Если бы я только знала как...»

Опустив взгляд, и мысленно перебирая возможные варианты, я отчетливо услышала голос в своей голове, заставивший меня подскочить на месте:

«На машине!».

Я бросила взгляд на подъездную дорожку под окном и увидела свою машину. Удивление, за последние несколько дней, уже успело войти в привычку, поэтому я, не акцентируя на нем свое внимание, под пристальным, изучающим взглядом мамы, выразившим нетерпение, выпалила:

– На своей машине, конечно же! – стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно, что было нелегко в ситуации, в которой я сама знала чуть больше мамы.

– Элизабет, мне было страшно! – сдалась она, вновь поддавшись эмоциям, – Обещай, что я всегда буду знать, где ты...

– Ну конечно, мамочка! Прости, пожалуйста! – облегченно выдохнула я в надежде, что допрос окончен.

Мы крепко обнялись и, наигранно улыбнувшись, она направилась к двери, продолжая вытирать слезы платком.

– Я приготовлю завтрак, спускайся, как только будешь готова, – ее голос снова стал ровным и строгим.

– Спасибо!

Я не могла дождаться ее ухода, чтобы снять с себя маску уравновешенности и, наконец, застыть в состоянии шока, но как только она вышла, это желание улетучилось.

– Я знаю, что ты здесь, Дэвид! Тебе придется все объяснить, – прошипела я. В ответ я услышала короткий смешок.

Прежде чем услышать то, к чему я была не готова, как ни крути, мне нужно было смыть с себя прошлую ночь. Я схватила полотенце. Мне стало не комфортно от мысли, что он может видеть меня в душе, но в тоже время радостно от того, что он действительно существует.

«Значит, не сошла с ума!»

Стоя под струями горячей воды, я отчаянно перебирала вопросы в своей голове.

«Кто он? Кто тот человек в кафе? Как я оказалась дома? Кто пригнал машину к дому? И что теперь сказать друзьям?»

Заворачивая мокрые волосы в полотенце, я спустилась на кухню, размышляя о том, что вижу его только ночью, а значит, с наступлением темноты, что бы ни случилось, я должна узнать правду, должна вывести его на разговор.

За завтраком я поведала Мэри о пополнении в нашей компании, в лице Ника. Порадовавшись за меня, она, допила кофе и стала собираться к подруге, предоставив дом в мое распоряжение до самого вечера. Я, недолго думая, позвонила Лорен и, с трудом вставив слово в поток бурного водопада ее речи, пообещала рассказать все при встрече, в надежде что-нибудь придумать к ее приходу. Мы договорились, что она будет у меня около одиннадцати.

«Лорен для меня не дороже остальных ребят, но ближе, поскольку мы с ней выросли вместе и знаем друг друга «вдоль и поперек», включая все недостатки и перлы, относящиеся к детскому возрасту. Но, несмотря на это, сказать ей, что меня преследует то, над чем мы с ней всю жизнь смеялись, не получится. Даже если бы я захотела ей рассказать правду, о которой не имею ни малейшего представления, мне вряд ли позволили бы это сделать те, кому принадлежит эта правда, поскольку, уверена, что я не более, чем случайный свидетель».

Лорен осчастливила своим приходом в 10:45 и, пока я заваривала кофе, она без устали пересказывала все, что случилось в кафе после моего ухода. Я не спешила рассказывать уже заученную наизусть неправду, которая должна была стать оправданием моему поведению вчерашним вечером.

Она вопросительно взглянула на меня, и я поняла, что прослушала большую часть ее пылких речей. Совершенно не зная, каким был вопрос и что ответить, я увильнула:

– Тебе кофе с сахаром?

– Ты меня не слушаешь! О чем ты думаешь? Я чего-то не знаю? – словно видя меня насквозь, спросила она.

Я готова была выложить ей все как на духу, в надежде услышать хоть какое-нибудь предположение или название происходящему, в конце концов, меня ведь никто не предупреждал, что это тайна. И в то же время, я чувствовала, что не имею права рассказывать об этих существах. Уже знакомый голос вмешался в мои душевные терзания, произнеся два весомых слова:

« Не говори... ».

В этих двух словах был большой вес, была тяжесть, было доверие.

Я ответила подруге:

– Да нет, просто плохо спала. Вы вчера сильно испугались? – пошла я ва-банк, меняя тему.

– Да нет, о чем ты! Ты же всегда так делаешь, – она секунду смотрела на меня, не моргая, а затем вскрикнула так, что я чуть кипятком не ошпарила и себя и ее, – Что за вопросы, конечно испугались! Мы место себе найти не могли, пока ты мирно спала у себя дома и не знали, что

сказать твоей маме! – парировала она, все больше наливаясь злостью, а злая Лорен вызывает у меня приступы смеха. Я подошла к ней, элегантно развалившейся на стуле, и обняла ее.

– Никогда не думала, что кому-нибудь буду дорога, кроме мамы.

– Больше не стоит так проверять нашу любовь, – рычала она, сжав ручки в кулаки.

– Договорились, дорогая.

Она достала из сумки мой телефон и протянула его, со словами:

– Тебе бабушка звонила, раз пятнадцать наверно.

– Бабушка?!?!?! – мне показалось, что я ослышалась, и встревожено добавила, – Зачем?

С бабушкой мы общались очень редко. Я, конечно, люблю ее, но разговоры с ней всегда имеют тайный подтекст, разгадать который мой мозг просто не в состоянии. Поэтому она не мучит меня своими звонками, а я звоню ей раз в месяц и то без особого желания.

Я извинилась перед Лорен и тут же набрала бабулю:

– Привет, ты...? – озвучить вопрос до конца не получилось.

– Элизабет, – она произнесла мое имя с примесью злости и облегчения что ли.

– Что случилось? Ты в порядке? – я не на шутку испугалась, – Почему на домашний не перезвонила?

– Уже собиралась! Маму твою тревожить попусту не хотелось. Вчера плохой сон о тебе видела и испугалась. Стала звонить, а ты не отвечаешь! Я чуть с ума не сошла, Элизабет!

Я вздрогнула. Знала бы она, что этот сон был «в руку».

– Прости, я вчера в кафе оставила мобильник.

– Я рада, что с тобой все в порядке. Маме передавай привет. Целую.

Она отключилась, как всегда оставив после своего внедрения в мою жизнь кучу вопросов и сомнений.

Лорен накинулась с расспросами, как только я положила трубку:

– Выкладывай, как добралась, почему ушла и что задумала!

Она была решительно настроена выведать у меня все, но интересовали ее совершенно не потусторонние существа, и я решила оправдать ее надежды.

Пока я пересказывала подготовленную мной заранее речь, она слушала, не перебивая, что совсем на нее не похоже, лишь периодически хмуря и поднимая брови. Ее реакция на все была предсказуема, и мне удалось избежать допросов. Довольная концовкой разговора, я подумала о том, что убедить Роба и Сони будет не так-то просто, как получилось с Лорен.

Оставшийся день мы потратили на походы по магазинам, зашли в кафе, в супермаркет и на обратном пути забрали вещи из химчистки. Все это время она оживленно рассказывала о своей жизни в университете; о девочке, с которой они занимаются вместе по пятницам и которая ненавидит ее за то, что парни оказывают ей больше внимания; про эти самых парней, среди которых нет ни одного в ее вкусе, и все в таком духе.

Я старательно изображала согласие и понимание на лице, не встречая лишней раз в ее рассказ, чтоб не выдавать свое невнимание, поскольку мои мысли витали далеко в другом месте.

Мы сидели в кафе, и она, наконец, призналась, что ей понравился Ник. Я искренне порадовалась, отметив, что они очень хорошая пара, но мою радость омрачило последующее ее состояние.

Делясь впечатлениями о нем, она вдруг замолчала, резко согнулась, обхватив себя руками и, задерживая дыхание, застонала от боли. В панике я стала прикладывать ладони к ее лицу и бегать вокруг, спрашивая, что происходит. Не в силах произнести, где именно болит, она сильнее прижала руки к груди и зажмурила глаза.

Вокруг собирались люди. Подбежала официантка и попыталась оказать первую помощь. Я уже набирала 911, но Лорен выпрямилась и сказала, что уже отпускает. Официантка ушла за водой, призывая всех свидетелей разойтись и не толпиться вокруг.

Все происходящее длилось не больше двух минут, но я достаточно испугалась, чтоб задрожали коленки. Когда официантка принесла стакан холодной воды, я по настоянию Лорен убедилась, что все в порядке и, поблагодарив, попросила оставить нас. Лорен выглядела очень бледной и вымученной. Выпив воду залпом, она опустила голову на стол. Пытаясь придать уверенности голосу, я спросила:

– У тебя что, проблемы с сердцем?

– В том то и дело, что их нет! – выбивая каждое слово, она подняла на меня грустные глаза и сказала со всей присущей ей серьезностью, – Первый раз мы с мамой обошлись подручными средствами, когда повторилось снова, она отвела меня к врачу. Врач сказал, что нет даже подозрений, что сердце давало или может дать сбой. Я здорова, понимаешь?

– Верится с трудом, – проговорила я, – Значит, это не в первый раз?

– Нет, уже в третий и эта боль невыносима!!! – последнее слово она почти прорычала.

– Пойдем на воздух, родная.

Оставив деньги за заказ на столе, я взяла ее за руку и повела к выходу.

– Найдите другого врача, более опытного что ли! – высказалась я, когда мы уже шли по алее к парку.

– О чем ты, Элизабет, мама, испугавшись, что у меня проблемы с сердцем, отвезла сразу к нескольким врачам. И только когда у нее в руках оказалось четыре одинаковых диагноза, она смогла успокоиться.

– Но что же это тогда?! – задала я риторический вопрос, заранее зная, что ответ ни одной из нас неизвестен.

Мы еще немного постояли в парке, и я старалась не быть назойливой, но была наготове, если вдруг это повторится. Съев по мороженому, в попытках спасти испорченный страхом день, мы решили возвращаться домой.

Я подвезла Лорен и, попрощавшись с ней, облегченно вздохнула. Чувство страха, ожидания и любопытства смешались в одно при мысли, что близится вечер. Разгрузив покупки, я отказалась от ужина, сославшись на то, что завтра рано вставать.

В своей комнате я переделалась в черное короткое платье, которое уже стало домашним за сроком давности, и взяла конспекты в надежде занять мысли чем-то полезным.

Смеркалось. В немом ожидании, я ходила из угла в угол, читала лекции, листала журналы, и все бездумно. Сдавшись, я рухнула на кровать и, закрыв глаза, стала собирать крупинки знаний о том, кто сейчас находился ко мне ближе, чем я думала. Это единственное на чем мои мысли согласились сосредоточиться, остановив нелепые попытки объяснить происходящее.

« Среднего роста брюнет спортивного телосложения. Черные, глубокие, очень большие глаза. Вьющиеся волосы, подстрижены не сильно коротко и зачесаны назад. Аккуратные бакенбарды, подчеркивающие скулы и придающие его лицу загадочность. В последний раз он был в белом: спортивные зауженные брюки, футболка, облегающее тело, кроссовки. Каждое его движение излучало жизнь, уверенность, энергию. Он был спокоен. И это внушило мне доверие».

Даже описывая его себе самой, мне было не ясно, почему я не уверена в том, что он человек. Ведь все его внешние данные, поведение, речь были естественны. Не естественно было лишь появление его в моей жизни.

Продолжая мысленно описывать незнакомца, я удивлялась, как я успела настолько подробно его рассмотреть за такой короткий промежуток времени, мы ведь обменялись всего парой слов и закончили разговор, даже толком не начав.

Вздروгнув, я села на кровати. Взгляд упал на часы: 00:10.

Глава 5. Дэвид.

Размышляя, я совсем не чувствовала времени и едва не задремала.

– Дэвид!? – в ответ молчание.

Я уверенно прошла к окну и, отдернув штору, предусмотрительно задернутую мамой, застыла, увидев его, сидящего на том же месте, что и в ту ночь. Свесив одну ногу вниз, и скрестив руки на груди, он занимал весь мой маленький подоконник. Мне показалось, что он спит.

Я стояла рядом, едва касаясь рукой стены, рассматривая его и боясь пошевелиться. В лунном свете он был таким ненастоящим, наполненным и ярким, ну совсем не похожим на обычного человека, больше на куклу из дорогого фирменного магазина. Все его существо было пронизано лунным светом и его же излучало.

Мне захотелось к нему прикоснуться, хотя бы на мгновение, кончиками пальцев, и в то же время не шевелиться, как будто можно продлить этот момент навечно, любуясь игрой лунного света на его коже. Но спустя несколько минут любопытство победило.

– Кто ты такой? – прошептала я.

Он не сдвинулся с места и даже не открыл глаза.

– Дэвид, – тихо произнес он.

– Это я уже слышала. Ты же знаешь, о чем я спрашиваю, – я старалась, чтобы он не чувствовал в моем голосе волнения, атакующего мое тело, заставляющего всю мою сущность дрожать рядом с ним. Мне и самой было не ясно, в чем причина такой реакции на его присутствие – то ли в страхе перед неизвестностью, то ли в восхищении его необычностью.

Дэвид спустился с подоконника и сделал два шага ко мне, сократив расстояние между нами.

– Что ты хочешь знать? – спросил он, положив руки в карманы и придав голосу серьезность.

Загипнотизированная неестественной красотой его глаз, я с трудом смогла выговорить:

– А тебе не кажется, что я должна знать все, поскольку это «все» ворвалось в мою жизнь без моего разрешения!

– Это «все» было в твоей жизни, с тех пор, как умер твой отец. Ты нуждаешься в нас! – в его голосе звучала настойчивость и уверенность.

– В ком это – в вас? Что ты знаешь о моем отце? Кто ты? – кипятилась я.

– Присядь, это не короткий разговор, – сказал он.

Я села на край, готовая расплакаться от того, что была затронута запретная болезненная тема, к тому же человеком, которого я вижу третий раз в своей жизни. И человеком ли вообще?

– Твоего отца я никогда не знал. Я просто проинформирован о его жизни чуть больше тебя. Не в этом суть. Ты слышала об энергетических вампирах? – я молчала, не собираясь отвечать, а он продолжил, – Это существа, которые питаются энергией людей, они могут выпить человека до дна, тем самым убив его, и для этого им достаточно просто взглянуть в глаза. Один взгляд – и ты в его власти. Их называют «убивающие взглядом».

– И это Ты... – вместе со словами из груди вырвался смешок недоверия.

– Нет, не я. Ты помнишь мужчину вчера кафе?

По спине побежали мурашки от жуткого воспоминания о дурманящем взгляде. А ведь я смотрела ему в глаза всего один раз! Неужели его слова имеют смысл? Бред же... Мой взгляд выражал недоумение, я растерянно молчала.

– Элизабет, он выпил тебя почти до дна! – он вымученно улыбнулся, и в его голосе явственно послышалось чувство вины, – Обычно вампиры не убивают в городах, они просто подпитываются, вступая в контакт со встречными людьми, чтоб не поддаваться соблазну. Теряя жертву из вида хотя бы на секунду, вампир теряет власть над ней. Но он не собирался оставлять тебя в живых, он нацелено шел за тобой. Знаешь его?

Я отрицательно покачала головой и, немного смягчившись, от трогательного беспокойства обо мне этого здоровяка, спросила:

– Это ты помог? Как ты рядом оказался? Я думала, ты только в моем доме мне на нервы действуешь...

Он улыбнулся. Это было красиво. Я не понимала, почему даже вступив в ним разговор, я не чувствовала его обычным.

– А что делаешь ты?

– Я его антипод. Я могу насыщать человека энергией... – он потер ладони друг об друга. Мне показалось, он ждет моей реакции. Я не верила, что это все происходит со мной в реальности и мне казалось, что я не полностью осознаю те вещи, которыми он делится.

– А причем здесь я? – все его слова казались чужими и доходили до меня с трудом.

– Не только ты. После смерти твоего отца ваша семья стала уязвимой. Появилась так называемая брешь, которая и является лазейкой для вампиров. Уязвимы все кто, потеряв близких, теряет себя, а так же гиперактивные люди, такие, как твоя подруга.

Он присел на корточки прямо напротив меня, и я снова поразились плавности его движения.

– Лорен?!

– Да, она. Но мы сейчас говорим о тебе, такие, как ты постоянно оставляют энергетический шлейф. Вы с матерью теряете энергию на воспоминания и переживания. Если бы были открытые разговоры на болезненную тему, происходил бы обмен энергией, а не ее потеря. Восполнять ее очень трудно и в основном это происходит во сне. Для обычных людей сна достаточно, чтобы восстановить баланс, а для вышеперечисленных и тебя в том числе, существуем мы – Хранители. Нас присылают для контроля и поддержки уровня вашей энергии.

– Хранители... – растерянно повторила я, – Но ведь моя мама воспринимает потерю отца хуже меня! – возразила я. Мой разум сопротивлялся как мог.

– У твоей мамы пока еще есть свой Хранитель, – произнес он, и я тут же переспросила:

– Что значит «пока еще»? – мне захотелось, чтоб маму никогда не переставали охранять, может, тогда я буду спокойнее относиться к ее безопасности.

– Когда ей исполнится пятьдесят – она перейдет грань и перестанет интересоваться вампиров, поскольку энергия потеряет первоначальный вкус и аромат.

– То есть на нее не будет охоты?

– Точно, – он улыбнулся, и от этой улыбки у меня в который раз все внутри перевернулось.

– А чем питаешься ты? – сама удивившись своему интересу, спросила я.

– Лунным светом, – он с интересом заглянул в мои глаза, снова ожидая реакцию.

– Я что сплю? Почему я все это знаю? Я должна жить спокойно и не знать о вашем существовании. Неужели мама тоже знает о существовании ее Хранителя? – я была взвинчена, и слова рвались из меня так быстро, что я не успевала их обдумывать.

– Конечно, нет! – воскликнул он, – Я и сам бы рад знать, почему ты нас видишь. Я думал, что делаю что-то не так, я работаю всего три года, но потом узнал, что дело в тебе. Твой прежний Хранитель сказал, что ты видела и его тоже.

– Видела прежнего Хранителя? Кто он? – меня распирало любопытство, и я на время забыла, о чем мы с ним вообще ведем разговор.

– Это не моя тайна, я не имею права тебе ее рассказывать.

В голове все перемешивалось и завязывалось в трудно распутываемые узелки. Я поняла, что за один раз узнать все, что мне интересно, не получится.

– Ты рискуешь, рассказывая мне все это? – спросила я.

Не хотелось думать, что у него могут быть проблемы.

– По правилам – весьма, но раз все тихо и никто еще не пришел за мной, значит, они пока не знают. Как только узнают – ты все забудешь. Ты меня забудешь.

– Тогда зачем ты все мне рассказал, если потом я все равно забуду? – думать становилось труднее, формулировать вопросы – тем более.

– Чтоб тебе не было страшно! – рассмеялся он, – Поверь, я не хотел напугать тебя вчера ночью, я просто делал свою работу. Обычно люди даже не чувствуют нас, и до появления необходимых способностей мы не сильно заметны, но ты... – он замолчал, – Если бы не этот вампир, ты бы вскоре забыла меня, думая, что тебе все привиделось. Теперь уже поздно что-то менять.

Я вспомнила то чувство удивления, когда войдя в свою комнату, осознала, что целый день не вспоминала о случившемся ночью.

– У тебя сильное энергетическое поле, и я должен был предвидеть, что наши силы не распространяются на твою память с первого раза, но со временем, уверен, ты бы забыла.

Верилось в это с трудом, учитывая то, что я вспоминала о нем довольно часто.

– Это невозможно. За пару минут до его нападения, я вспомнила тебя.

Он медленно встал и, скрывая улыбку, подошел к моему письменному столу, делая вид, что заинтересован учебником по логике.

– Это инстинктивно. Я тут не причем. Ты, наверное, чувствуешь мое присутствие и подсознательно знаешь, что я не враг.

– Значит я под охраной уже месяц? – усмехнулась я.

Он, не поворачиваясь, кивнул в ответ.

– А как же мой прежний Хранитель меня охранял, если я могу вас видеть?

– В первое время ему приходилось днем быть неподалеку, – отложив учебник, сказал он, – а потом, и вовсе влиться в человеческую среду, чтоб не вызывать подозрений, – помедлив он добавил, – По ночам он сначала усыплял тебя, потом проникал в комнату.

– Он был в моей комнате?! – опять непрошенная ярость стала разрывать меня изнутри. Он повторно кивнул:

– Все должно было быть по-другому, ты вообще не должна была ничего узнать и почувствовать, как с... – он запнулся, едва н назвав заветное имя, – ... твоим бывшим Хранителем. Просто я пока не имею некоторых способностей, которые могли бы все это предотвратить. Я сожалею...

Глава 6. Прикосновение ангела.

– Какие способности могут быть еще? Разве не достаточно того, что ты питаешься лунным светом и наполняешь людей энергией?

– Я не наполняю людей энергией. Я прикреплен конкретно к тебе. Но если пострадал человек, не имеющий Хранителя, я имею право наполнить и его. Меняя подопечного, мы меняем способности – ненужные пропадают, а необходимые появляются. Поскольку меня к тебе прикрепили всего месяц назад, "твой комплект" появится только со временем. Поэтому следовало быть осторожным и работать на безопасном расстоянии, но мне не хотелось повторять свой неудачный опыт. Я ведь уже пытался один раз наполнить тебя на расстоянии, но ничего хорошего из этого не вышло – я резко перестал тебя чувствовать. Понимая, что что-то пошло не так, я появился в комнате и увидел, что теряю тебя. От сильного сопротивления новому вмешательству в твоё сознание незнакомого Хранителя, душа покинула тело. Я виноват, я поспешил с проверкой своих способностей и из-за этого, чуть не убил тебя.

Я вздрогнула и поморщилась, вспоминая свои ощущения:

– Так вот почему я видела себя со стороны...

Удивительно, но на его признание в том, что чуть не умерла из-за него, я никак не отреагировала. То есть я не винила его в этом, даже наоборот, было удивительно знать, что моя жизнь была в чьих-то руках.

– Усыпление на расстоянии и способность жить среди людей, то есть быть видимым днем и уже для всех – это те способности, так сказать, "твой комплект", которые должны появиться

со дня на день, – продолжил он, – Обычно мы в них не нуждаемся, но ты их требуешь, потому что видишь меня с наступлением темноты. Если тебе будет угрожать опасность в людном месте ночью, я без них не смогу тебя наполнить или защитить по причине того, что видишь меня только ты.

От мысли, что совершенно незнакомое мне существо готово за меня заступиться, только потому, что я могу в этом нуждаться, внутри все затрепетало.

– По правилам, я всегда должен быть готов объясниться, не раскрывая тайны, а в твоём случае, для этого меня должны видеть. Но я нарушил правила прежде, чем появились способности, – он виновато сжал губы.

– А почему тот Хранитель ушел?

– Ты вызываешь сильный отток энергии, как видишь, даже я не справился. Он давно уже охранял тебя, и захотел отдыха.

– А почему я вызываю такой отток энергии? – я чувствовала себя трехлетним ребенком – «почемучкой».

– Ты переживаешь не об умершем отце, а о живой матери, а это хуже. И чем старше ты становишься, тем сильнее и осознаннее переживания. Отца ты и не помнишь, а мама для тебя очень важна. Потеря энергии от переживаний за мертвых намного слабее, чем за живых.

– Но моя мама... – он не дал мне закончить.

– Твоя энергия моложе, слаще и ароматнее для вампиров, поэтому на тебя больше спрос, – и он улыбнулся одними губами, сложив руки на груди.

– Ты разговариваешь обо мне, как о товаре, – возмутилась я.

– Для нас – Вы – самые ценные существа, но для вампиров вы – еда, в какой-то степени даже товар.

Я постепенно начинала осознавать, что не сплю. Постепенно начала привыкать к его голосу. Стала понимать, что все реально, а его рассказ и он сам – жизнь, параллельная нашей. Где-то есть еще такие, как он. И как оказалось, я знала и знаю еще одного... ХРАНИТЕЛЯ. Я решила, что выясню это немного позже.

– А девушки среди вас встречаются? – после паузы спросила я.

– Это бывает очень редко, но не исключено, – коротко ответил он и уселся на прикроватную тумбу.

– Зачем мы вам? Зачем вы охраняете нас?

Окинув меня взглядом мудреца, гасящего огонь любопытства своего ученика, он ответил:

– Это природная закономерность. Мы созданы для Вас. Не будет Вас – умрем и мы. Исчезнем как вид.

Я почувствовала себя маленькой девочкой под защитой отца, как было двадцать долгих лет назад.

– А как ты меня привез домой? – я совершенно не желала заканчивать разговор.

– Я принес тебя на руках и тебе совсем не обязательно знать, как я передвигаюсь, – отрезал он.

– Что стало с тем... вампиром?

– Он скрылся. Бежать за ним вслед означало потерять тебя.

– А как бы ты с ним справился?

Представить такого аккуратного и интеллигентного Дэвида в схватке, в бою или как это у них называется, было очень трудно.

– Мы похожи на сосуд с ценным веществом, под луной этот сосуд не опустошается, а постоянно держится до краев наполненным. Днем количество нашей энергии ограничено, по причине отсутствия источника. Следовательно, убить их легче под луной, дающей нам преимущество. Вливая в них свою энергию непрерывным потоком, мы их сжигаем.

– А почему не сгораем мы, вы же нас тоже ею наполняете?

– В нас энергия хранится в градусе равной температуре на луне днем, то есть +130 С. Температура вашего тела +36,6С, вампиров – -2С. Попадая в вас, энергия успевает снизить свой градус до вашей температуры, не нанося вреда, потому что вы теплее, а вампиры просто не успевают ее переработать и сгорают прежде, чем снизят градус. И к тому же вам не нужно сразу много, вам достаточно четверти сосуда за один раз.

Выслушав его, я представила, как Дэвид пытается убить вампира, но у меня в голове никак не хотела складываться цельная картинка.

– Элизабет, уже поздно, тебе надо поспать, – прервал он мои нелепые фантазии.

Я проигнорировала его слова, не двигаясь с места.

– Что с тобой сделают, если узнают? – этот вопрос на самом деле не давал мне покоя.

– Если коротко, – он улыбнулся, – превратят в вампира, лишив способностей, и я буду брать энергию у людей, чтобы выжить.

– А кто отберет? – заинтересовалась я.

– Зачем тебе ЭТО, ты же обо мне теперь все знаешь, – всплеснул он руками.

– Расскажи, тебе уже нечего терять! – настаивала я.

– Старейшины. Это наши учителя и работодатели, – он устало улыбнулся и снова уселся на тумбу, скрестив ноги, – Хранители появились, когда на земле стали происходить первые войны, уносящие жизни людей.

– Но ведь люди и до воин умирали и теряли энергию от переживаний.

– Тогда человек был сильнее, верил в Бога и ему не требовались помощники, вроде нас. Он не боялся за своих умерших близких, зная, что они попадут в рай, а он не умрет в одиночестве. Сейчас качество жизни намного улучшилось, грехов, искушений и соблазнов стало больше, люди предаются им, окунаясь с головой и забывая обо всем. Они предают родных, ради собственной выгоды. В Бога верят единицы, остальные живут под девизом «жизнь дается один раз». Проще говоря, приобретают хроническое одиночество, жизнь в постоянном страхе, и выплескивают энергию налево и направо. Раньше было больше уверенности, что в беде не бросят на произвол судьбы, а сейчас максимальное количество лиц, которым можно доверять, не больше семи, и то если очень повезет: родители и старики, которые большую часть жизни уже прожили, да брат с сестрой, если таковые есть. Поэтому с сознательного возраста, человек уже заботится о старости, теряя множество возможностей и не чувствуя за переживаниями вкуса жизни. Он находится в постоянном поиске партнера, с которым можно будет разделить финал своего жизненного пути. Людям страшно оставаться наедине с собой, поэтому уход близких из жизни превращается в сплошной отток энергии и потерю собственного спокойствия. А беспокойные люди совершенно не ведают, что творят. Поэтому создали нас, чтоб не было конца света.

– А кто вас создал?

– Ваш создатель.

– Всевышний? – ответ не требовался и спустя несколько секунд, я робко спросила, – То есть ты – мой ангел? – почему-то внутри заныло от этих слов.

Безумно счастливая от того, что такое совершенство делит со мной свои тайны, я была не менее несчастна, от ноющего понимания, что этот ангел послан мне на ограниченный срок.

За окном было темно, глаза от усталости закрывались, но я должна была убедиться, что не сплю. Я встала с кровати, и уверенно шагнула к нему навстречу. От неожиданности он замер.

– Что ты делаешь? – спросил он и снова улыбнулся, как в первый раз – улыбкой, сводящей с ума.

Я остановилась в шаге от него.

Спрыгнув с тумбы, он вытянул руку, но прежде чем прикоснуться, предупредил, – Только не пугайся, в первый раз, возможно, не смогу проконтролировать.

– Проконтролировать что? – на автомате переспросила я, уже предвкушая желанное прикосновение.

– Количество энергии, наполняющей твое тело, мы обычно не прикасаемся к подопечным, нам достаточно просто быть рядом.

– Ты сказал в первый раз... но ты ведь уже прикасался ко мне, – удивленно произнесла я.

– Ты была в одежде, я почти не касался твоей кожи, – нахмутив брови, сказал он.

– Но я была раздета, вчера вечером...

– Ах, ты об этом, – с серьезным видом произнес он, – Если это тебя так тревожит, я тебя не трогал, а использовал свои способности. Я дотронулся только до твоей руки, потому что через прикосновение энергия проникает быстрее. Это было необходимо, иначе ты бы умерла. К наполненному человеку я еще никогда не прикасался, – разглядывая меня, сказал он.

Я предпочла промолчать.

– Можно? – вытянув руку ладонью вверх, спросил он.

Вместо ответа я просто кончиками пальцев коснулась протянутой руки. Он не спеша зажал их в своей большой ладони, и его тепло приятно обожгло мою кожу. Я старалась не закрывать глаза, чтобы видеть каждое его движение, каждое прикосновение.

Никогда еще я не испытывала таких ощущений. Его пальцы гладили тыльную сторону моей ладони, а глаза сканировали душу, заставляя отрываться от земли в огненных порывах экстаза. Мое дыхание участилось.

Неосознанно коснувшись его щеки свободной рукой, я заметила, что он вздрогнул, делая глубокий вдох, и тут же внутрь меня стало проникать что-то не осязаемое, и теплое, даже горячее. Глядя на него широко раскрытыми глазами, я затаила дыхание. Энергия вливалась в мое тело, наполняя каждую клеточку с сумасшедшей скоростью, как умеренно горячий чай, когда он немного прожигая, прокладывает осязаемый путь к желудку. Перед глазами все поплыло, а сердце застучало в голове, выбивая рваный ритм.

Не смотря на то, что мне уже нечем было дышать, я сжала его руку крепче, не желая отстраняться и нуждаясь в этом прикосновении больше, чем в воздухе. Не задумываясь о том, что испытывает он в данный момент, я подошла к нему вплотную, и уткнулась лбом в его грудь. Вдыхая аромат его кожи и изо всех сил стараясь продлить это наслаждение, я коснулась губами его шеи и я закрыла глаза, чтоб не видеть, как все вокруг сливается в отвратительное размытое пятно.

Через пару мгновений я услышала его голос, и туман окутал меня, заполнив собой мысли, глаза, уши, все тело изнутри и снаружи.

– Прости, я так и думал, – донесся издали его голос. Ноги отказались меня удерживать, став ватными и мое непослушное тело крепко сжали его ладони.

Прикосновения стали искаженными, лишив меня того удовольствия, которое я испытывала минутой раньше.

– Только не уходи, – выдавила я из себя три самых важных на данный момент слова.

Его теплые руки коснулись моей кожи под коленками, отрывая от земли. Через пару секунд прохлада постельного белья окутала мое тело, даря желанную тишину и покой.

– Я буду рядом, милая! – ответил он.

Но я уже погрузилась в мир спокойствия и теплоты, успев поймать мысль о том, что я ждала его всю жизнь и теперь никто не сможет заменить то тепло, которое передал он мне своим первым прикосновением.

Глава 7. Ловушка.

Все утро следующего дня я была сама не своя. Заполненная «до краев» энергией, я точно знала этому причину. Каждую минуту преследуемая чувством, что он рядом и смотрит на меня, я грелась мыслью, что нахожусь под его защитой.

Решив пропустить учебу, я оправдалась тем, что собираюсь подготовиться к зачету на следующей неделе. Но в воспоминаниях о вчерашнем вечере, его руках и пронизывающем взгляде, мне так и не удалось сосредоточиться на конспектах. Отложив все в сторону, я занялась домашними делами, а начистив дом до блеска, решила попробовать погрызть гранит науки еще раз.

Сгорая от нетерпения, в ожидании вечера я делала все, что попадалось под руку, лишь бы скоротать время.

«Мне необходимо увидеть его, поговорить с ним, и если это будет возможно, прикоснуться еще хотя бы один раз...» – уговаривала я ту часть себя, которая была ведома разумом и не подчинялась законам сердца.

Мысль о том, что он может исчезнуть из моей жизни так же неожиданно, как появился, болью пульсировала в моей груди. Зная, что должна предпринять меры, чтобы вспомнить все после того, как он сотрет воспоминания о себе, я задавалась вопросом как это сделать, если он все время рядом и все время следит за мной.

«Как же это все неправильно...»

Поклявшись себе придумать выход, и не желая больше изводить себя, я решила пока встретиться с друзьями и все им объяснить, ведь с момента нашей неудачной прогулки, я виделась только с Лорен. Созвонившись с ней и договорившись о всеобщем сборе в шесть часов вечера на нашей скамейке в парке, я стала одеваться.

Надев платье чуть ниже колена, с длинными рукавами, сапоги на каблучке и пальто черного-белого цвета, я, покрутившись у зеркала, схватила ключи и направилась к выходу. Взявшись за ручку, я остановилась.

– Дэвид? – прислонив голову к двери, произнесла я. Мне было страшно признаваться себе, зачем я позвала его, ведь он и без того знает, что я выхожу из дома. На самом деле, я просто хотела убедиться, что он рядом, и с утра искала повод, чтобы произнести его имя вслух.

– Я буду рядом, – сказал он, и внутри меня все зануло от желания скорее увидеть его.

Я улыбнулась и вышла из дома.

«Нужно чем-нибудь занять мысли, чтоб время прошло быстрее».

Оправдание перед ребятами за случай в кафе – самое лучшее и не требующее отлагательств занятие для моего мозга, чем я и собиралась заняться в ближайшие пару часов.

Лорен, Ник и Роберт с Сони уже ждали в обговоренном месте. Выходя из машины, я уже приняла решение говорить им все то же самое, что и Мэри. Мне было невыгодно загонять себя в собственноручно сотканную сеть лжи, каждый раз пытаюсь вспомнить, кому и что я врала.

«Даже если эта ложь и выглядит неправдоподобно, личное пространство должно быть у каждого, и я имею право не раскрывать душу до конца».

Мы присели, и под напряженными и недоверчивыми взглядами друзей я рассказала им все слово в слово, как говорила Мэри и Лорен. Я знала, что мне не поверят до конца, но выхода другого не было, сказать правду я не могла.

– Но как ты могла, ты же знала, что мы будем переживать, ты даже мобильник не взяла – возмущалась Сони в своей обычной манере, без нервных восклицаний и вскрикиваний, по ее голосу казалось, она просто просила меня помочь ей с домашним заданием.

– Мне просто хотелось, чтобы вы провели больше времени друг с другом, – смущенно проговорила я.

Я готова была на все, лишь бы перекинуть их внимание с этой темы. Они переглянулись, и Ник попытался разрядить обстановку:

– Ну, конечно, поиски Элизабет очень нас сблизили, правда, ребят? – он по-дружески закинул руку на плечо Роберта, – Особенно мы сблизились, сидя целый час в кафе в ожидании того, что ты придешь, и в догадках, что же с тобой могло произойти на свежем воздухе. Наверно

воздух был чересчур свеж, прямо до потери здравого смысла? – он закатил глаза, и все залились смехом.

Меня это не обидело, скорее наоборот, я обрадовалась, что все напряжение переросло в шутку и, подумав про себя, что Ник даже не представляет, насколько он близок к истине, я улыбнулась и скорчила рожицу, а он продолжил:

– В следующий раз предупреди, что ты нас сближаешь, потом пропадай, договорились? – и тут же добавил, – Кстати, приезжают рок группа «Muse», сходим, кроме шуток?

Они увлеклись разговором, а я облегченно вздохнув, мысленно стерла со лба пот рукой.

Ребята собрались где-нибудь посидеть, приняв это решение спонтанно. Время близилось к семи, поэтому я отказалась, ссылаясь на то, что мы с мамой запланировали свой вечер заранее. Мне не хотелось потерять ни минуты, которые я могла бы провести с ним.

Дойдя до конца парка с друзьями, я попрощалась, направляясь к машине. Солнце клонилось к закату, и я шла, погруженная в собственные мысли, как вдруг отчетливо услышала его голос в своей голове:

«Возвращайся домой! Сейчас!».

Запаниковав, я поспешила в сторону своей машины. Оставалось несколько метров, и изрядно запыхавшись, я замедлила шаг.

Ко мне подошла на вид добродушная женщина лет сорока, чуть моложе моей мамы, с красивыми, густыми светлыми волосами и голубыми глазами, вокруг которых пролегли едва заметные морщины. Потратив на поиски улицы ***уже больше часа, она просила помочь. Я посмотрела по сторонам и, не увидев никакой угрозы, решила оказать ей услугу.

"В самом деле, не ее же он имеет в виду, подразумевая опасность, ведь кроме нас двоих на улице никого нет."

Я объясняла этой женщине, как можно быстро добраться до нужной ей улицы, как вдруг она схватилась за мои руки и стала оседать, теряя сознание. В ее глазах отчетливо отражалось непонимание и страх с мольбой о помощи. Вот тут-то я и содрогнулась от ужаса.

Опустившись на колени под тяжестью ее тела, я поддерживала ее голову не давая коснуться земли. В надежде на помощь, я оглянулась по сторонам и, столкнувшись с тишиной пустынной улицы, завопила:

– Дэвид, где ты? Дэвид!!! Что мне делать!!!??

«Я рядом, милая, не бойся...» – успокаивая меня, заговорил он, – «Я не могу тебе помочь физически, но дам столько энергии, что ты справишься! Делай все быстро! Тебе нужно убраться отсюда прежде, чем он выпьет ее всю. Ты сможешь, неси ее к машине. Я буду рядом, обещаю!»

«Что делать? Я что ослышалась? Как нести? Она ведь больше меня в два раза!»

Но пререкаться было некогда. Я встала, взяв ее под руки и неожиданно для себя совершенно не чувствуя тяжести, понесла ее к своей машине. Идти оставалось всего пару метров, ее ноги волочились по земле, и белые брюки, в которых она была, стали грязно-серого цвета.

«Надеюсь, что она мне это простит, когда узнает, что я спасла ее жизнь».

Приложив немало усилий, я уложила ее на заднее сидение, и уселась вперед. Едва повернув ключ, я увидела его – того самого вампира, что следил за мной в тот вечер в кафе.

Он стоял возле капота моей машины, и, засунув руки в карманы, улыбался. Мой взгляд блуждал по его дорогому фирменному костюму, ярко-красной рубашке и элегантному тонкому, черному галстуку, но прежде, чем устремился к лицу, в голове прозвучал уже ставший родным голос:

«Нет-нет! Только не в глаза! Не смотри в глаза, ты должна уехать. Жми на газ, уже скоро!» – кричал в моих мыслях Дэвид.

Я надавила на газ и, разворачиваясь, с трудом удержала себя от невыносимого желания взглянуть на него. Через стекла машины, а может быть и в моих мыслях, я услышала еле доносившийся голос и не сразу различила слова:

«Приятно познакомиться, Элизабет. Я – Эрик».

Холодок прокрался до самого сердца, заставив съежиться. Оставляя его позади, я повернулась, чтоб удостовериться, что женщина еще жива. Настроив зеркало заднего вида на нее, я стала уговаривать себя успокоиться, прикусывая губу, чтоб не заплакать.

«Давай, Элизабет, потерпи немного, потом я заставлю тебя все забыть. Я все сделаю, чтоб ты забыла этот кошмар!».

– Я не хочу забывать! Только не забыть! Где ты? – сквозь слезы шептала я.

«Сиж на переднем сидении рядом с тобой. Смотри на дорогу».

Я кивнула в ответ, судорожно вцепившись в руль одной рукой, а другой, вытирая слезы.

Подъехав к дому, я выскочила из машины. В сумерках, Дэвид появился внезапно прямо передо мной и, недолго думая, я накинулась на него, снова ощутив его дурманящий запах и дыхание на своей шее.

Стемнело, и прохлада вечера, вперемишку с дрожью от пережитого страха, заставила стучать зубами. Он мягко отстранил меня и, взяв мое лицо в свои руки, зашептал:

– Смотри на меня, милая! Смотри на меня! Ты сильная, ты не должна бояться! – и его взгляд, в который раз, проник в мою душу, перевернув там все с ног на голову.

Глядя в его глубокие глаза, я чувствовала, как меня наполняет его энергия, тепло и свет. Я вслушалась в биение его сердца, впитывая исходившее от него спокойствие. Страх и паника наконец-то стали отступать.

Отпустив меня, он побежал к машине, открыл дверь и взял на руки эту женщину. Ее голова безжизненно легла на его плечо, а рука повисла в воздухе.

– Я просто отнесу ее домой. С ней будет все хорошо, не волнуйся. Она в безопасности.

– А что делать с ее энергией? – спросила я.

– У нее нет Хранителя, поэтому я имею право ее наполнить. Иди в дом, милая. Давай, не стой!

Я вышла из состояния оцепенения и направилась к дому. Обернувшись уже у двери, я увидела, как он растворяется с этой женщиной на руках.

«Вот, значит, как ты передвигаешься – таешь на глазах...»

В дом я вошла с единственным вопросом в голове:

«Видела ли Мэри из окна мои непонятные выходки возле машины?»

Представив, как смотрюсь со стороны, обнимая пустоту, я нервно рассмеялась.

«По мне психушка плачет...»

В ванной шумела вода, и от радости, что у меня получится избежать нежелательных разговоров, я небрежно бросила в прихожей верхнюю одежду, торопясь в свою комнату. Наспех переодевшись в короткие черные шорты и майку, я, пользуясь его отсутствием, занялась подсказками, которые помогут мне вспомнить о нем.

Глава 8. Подсказки.

С тринадцати лет я периодически писала стихи, но поскольку относилась к своему творческому порыву критически, об этом таланте знали единицы.

Взяв чистый лист бумаги, я, немного подумав, набросала:

«Дом опустел, огонь в сердце потух,
Это так больно и страшно случилось,
В сердце моем живет его дух,
И тело наполнено лунной силой.

(Думай, Элизабет, здесь его имя)».

И впопыхах, боясь, что он может вернуться с минуты на минуту, без исправлений и корректировки, я сложила бумагу пополам и засунула ее под матрац.

"Не знаю, каким образом они стирают память и будут ли обыскивать комнату, но надеюсь, что обойдется без этого. И, зная, что эта записка у меня под матрацем, я просто забуду, о чем она и зачем я ее положила туда. Точнее, меня заставят забыть! У меня должно получиться! По крайней мере, я обязана попробовать».

Закончив, я схватила телефон и набрала Лорен. Пока шли гудки, я судорожно обдумывала, что именно буду ей говорить, и как буду объяснять задуманное, не выдавая Дэвида. Когда подруга подняла трубку, я нажала на запись:

– Лорен, привет!

– О, Элизабет!! Ну как ты? Жаль, что не осталась с нами!

– Послушай, родная, я по делу! – перебив ее на полуслове, сказала я, и сразу перешла к сути, зная, что не располагаю временем, – Ты должна мне помочь!

– Ты меня пугаешь... – напряглась она.

– Просто пообещай сделать это. Для меня это все!!! Ни о чем не спрашивай, но сделай, как прошу! – мой голос сорвался и, я поняла, что вот-вот зарыдаю.

– Что угодно! – испуганно прошептала она, – Говори уже! Ну, не молчи... Не плачь... – она путалась в словах, не скрывая переживаний, а мне нечем было ее успокоить.

– Возьми ручку и запиши то, что скажу, – пока она искала ручку, я, сдерживая слезы, повторяла, – Хочешь, в ежедневник, хочешь, поставь напоминание в органайзере, но ты должна будешь сказать мне это. Слово в слово!!!

– Когда?

– Я думаю ты почувствуешь, когда будет пора.

– Диктуй.

– «Элизабет, все, что ты подозреваешь – правда. Не переставай искать. Это все, что у тебя было. Эти слова ты сама просила передать себе. Продолжай искать вокруг, интуиция тебя не подводит».

– Элизабет, мне страшно, – через пару секунд, отозвалась она.

– Ты обещала ничего не спрашивать.

– Но ты должна мне доверять! – воспротивилась она.

– Я не могу ничего добавить. Просто знай, если б не доверяла, не просила бы об этом. Все, пока.

И я отключилась, закинув трубку подальше.

Сидя за письменным столом и опустив голову на руки, я позволила мыслям заполнить мое сознание.

«Это невероятно! Просто не узнаю себя! Мне постоянно хочется думать и говорить о нем, видеть его и касаться. Когда представляю, что его накажут из-за меня, во мне просыпается чувство, которое трудно выразить словами. Хочется всю вину взять на себя, пойти на любые жертвы, только бы его не трогали, не делали ему больно. Неужели я, наконец, влюбилась!? Только куда деть уверенность, что такая, как я, ему не пара? Ему нужна девушка из его окружения, сильная и обладающая способностями, а не слабое и беззащитное человеческое существо, вроде меня...»

Погрузившись в свои мысли, я не замечала ничего вокруг, и подскочила, от удара открытой створки окна об стену. Обернувшись, я обомлела.

Передо мной стоял Эрик.

Резко вскочив с места, я задела рукой вазу с цветами и, ударившись о край стула, она раскололась на две части, выплескивая воду во все стороны. Я прижалась к стене, и, зажмурившись, повторила про себя:

«Если ты не смотришь ему в глаза – он бессилен! Он бессилен!».

Я оставила только возможность ощущения его присутствия, вслушиваясь в шорохи. Но он передвигался бесшумно, и я с трудом удержалась от крика, когда его холодные пальцы коснулись моей шеи. Резко разворачиваясь к нему спиной, я закрыла лицо руками.

– Ну что же ты, Элизабет, – изображая обиженного ребенка, произнес он, – Мы просто поговорим, ведь нам так и не удалось поговорить ни в первый, ни во второй раз. Ты так быстро исчезала из поля моего зрения... Но сейчас ведь тебе некуда убегать, верно? – его руки стали перебирать мои волосы.

Я услышала голос мамы, и весь страх за собственную жизнь превратился в пепел. Важно стало одно – чтобы мама осталась жива и... Дэвид не вернулся.

– Элизабет, ты дома? – ее голос доносился с лестницы, это значило, что в моем распоряжении оставалось не больше минуты.

Развернувшись к нему, я взмолилась:

– Умоляю, только не маму, не тронь ее! Дай мне всего пару секунд, я все улажу и вернусь, – я не собиралась его обманывать, мне важно было, чтобы с мамой ничего не случилось.

– Нет, Элизабет, у меня нет нескольких свободных секунд и вообще я голоден! – он, оскалившись, издал гортанный звук, похожий на рычание.

– Не тронь ее, прошу! – руки задрожали, а из закрытых глаз каплями потекли слезы.

– Элизабет, дорогая, все в порядке? – раздался ее голос уже за дверью.

Стоя совсем близко ко мне, он прошептал:

– Ты сделаешь ВСЕ, что я скажу! – его ледяные пальцы пробежались по моей щеке и приподняли подбородок. Прикосновения были грубыми и отталкивающими, но это уже не имело никакого значения. Я знала, что он убьет меня быстро и безболезненно, и успокаивалась от этой мысли.

– Да, – шепотом ответила я и открыла глаза.

Взгляд двух серых озер вновь меня заворожил, превратив в жертву как тогда, в кафе.

– Ну, вот и умница! – довольно произнес он, опуская руки.

Заложив одну руку за спину, а другой приглашая пройти, изображая галантного кавалера, он улыбнулся:

– За дверь ни шагу и помни, что я уже над тобой властен. Всего один неверный шаг – и вы обе умрете, – он весело подмигнул мне.

Я наспех вытерла слезы тыльной стороной ладони и приоткрыла дверь. Его ледяная рука легла на мою, и взгляд снова впился в мое лицо. Он встал прямо за дверью, так что мама его не могла видеть. Зато видела я.

– Мам? Прости, я спала, – стараюсь, чтобы голос не дрожал, сказала я, – Неважно себя чувствую и, скорее всего, не спущусь к ужину. Прости, пожалуйста!

Я стала закрывать дверь, но она ее удержала.

– Постой, может, нужна моя помощь? Может, я чаю принесу? У тебя что-то болит?

Эрик выразил свое нетерпение, и я почувствовала, как начинает кружиться голова.

– Нет, спасибо, поговорим позже! – я поцеловала маму в нос и выдавила улыбку.

Она тоже улыбнулась, позволив закончить разговор и закрыть дверь. Теперь, уверившись, что она ничего не подозревает, я повернулась к Эрику, и мое тело охватила мелкая дрожь, от того, что он стал приближаться.

– Все – таки Дэвид не смог стать хорошим Хранителем, – разочарованно произнес он, – позволить себе уйти и оставить подопечную без охраны на такое длительное время! Это удивительная глупость! – фальшиво цокая языком, он покачал головой.

– Зачем ты хотел убить ту женщину? – отпустив все эмоции, словно голубей в небо, уже спокойным и тихим голосом произнесла я.

– А разве плохо получилось?! – всплеснул он руками, – Дэвид ушел, и у нас появилась возможность поговорить.

– Ты хочешь убить меня – убей, но только...

Он перебил меня, негромко рассмеявшись, и медленно произнес:

– А кто сказал, что я пришел убить тебя?

Убирая мои волосы назад, он наклонился к самому уху так, что его холодное дыхание обдувало мою кожу с каждым словом:

– Точнее, я сделаю это, но не сейчас. Сейчас мне нужно от тебя другое. Ты влюблена в него, ведь так? – спросил он, зло, глядя на меня.

Все мысли были о том, где Дэвид, и все ли с ним в порядке.

– Тебя это не касается! – процедила я, стараясь не шевелиться.

– Еще как касается! Твой дворняжка тебе не все рассказал, я уверен в этом. Наш клан – тайна для всех людей, а он сделал исключение, посвятив в нее тебя. Ему с рук не сойдет! Я сам! Лично! Накажу его! – делая ударение на каждом слове, ответил он.

– О чем ты? Какой ваш клан? Ты же вампир? – я ничего не могла понять.

– Клан Хранителей, клан дворняжек. Как хочешь, так и называй.

Он рассмеялся, а затем его лицо вновь приобрело серьезное выражение, и в глазах мелькнула грусть.

– Я ведь не всегда был вампиром, когда-то я был среди них. И полюбил девушку, которую охранял, впервые испытал такие сладостные чувства. Я всегда находился рядом, всегда оберегал ее и выполнял свою работу безупречно. Единственным нарушением было то, что она знала о нас все, как ты сейчас! И они меня наказали, отобрали ее силой! – он снова оскалился.

Я слушала его, нахмурив брови, изо всех сил пытаюсь уловить суть и понять, какое отношение имею к его ненависти.

«Зачем он следит за мной и почему так ненавидит меня, я же совсем не знаю его?»

– Они узнали об этом, и я был лишен всего: должности, способностей, сердца!! – его голос затих и он продолжил почти шепотом, – И вынужден пить энергию у тех, кого оберегал раньше, то есть у людей. Сначала я противился, но теперь мне даже нравится это, – он самодовольно улыбнулся, – Но самое страшное наказание состоит в том, что ей не дали другого Хранителя, несмотря на то, что она просто переполнена сладкой и ароматной энергией! – он нервно облизал губы, – Я вынужден оставаться рядом до сих пор, хотя сам представляю для нее опасность и в любое мгновение могу испить ее до дна. Это мерзко! – сквозь зубы процедил он, сжав кулаки. Его зрачки расширились, а ноздри стали раздуваться от каждого вдоха.

Я смотрела на него, как замороженная, и пыталась убить догадку, маленькой рыбкой – пираньей, выгрызающую дырку в моей груди. От ужаса правды, кроющейся за этой догадкой, скрыться было некуда и невозможно.

– Ты же сейчас не о Лорен говоришь? Не о моей маленькой Лорен!!? – голос сорвался, а в горле комом застряло истерическое рыдание. В ответ он фыркнул и отвернулся к окну.

Способность шевелиться утратилась мгновенно. Все сходилось: я видела его там, где была Лорен: возле ее дома, возле университета, и ждал он не кого-то неопределенного, а заглядывал в окна, где сидела она.

«Она любила Хранителя!?!?»

– Я не мог больше смотреть в любимые глаза, зная, что это убьет ее. Другого выхода не было, и я стер ей память сам, своими руками! – он уставился на свои руки так выразительно, словно актер на премьере спектакля, – Я сам все уничтожил! Теперь она не знает меня, а я помню все и рад бы уехать, но вынужден находиться неподалеку, чтобы охранять ее, когда сам являюсь опаснее других.

Я стояла в метре от него, не веря своим ушам, и почти не слушая его душевные излияния. «Неужели Лорен молчала о том, что сильно любила? Да она не смогла бы все сдержать в себе! Мне с трудом верится в это. В принципе все очень реалистично и правдоподобно, только что-то здесь не так. Не пойму только что?»

Он стал подходить ко мне, мизерными шагами, а в его глазах появилась угроза:

– А теперь он, раскрыв общую тайну тебе, хочет спокойно жить?

Его руки грубо развернули меня и толкнули целенаправленно головой о стену. Я не успела ничего предпринять и от силы удара по всему телу прошла искра, сопровождаемая болевым шоком и оглушительным взрывом. На затылке заиграл холодок, и моя рука, поднесенная к голове, тут же испачкалась липкой и теплой кровью. Я сползла вниз, не в силах сосредоточиться на чем-то кроме боли и, схватившись руками за голову, свернулась калачиком и заскулила. Заставив себя приоткрыть глаза, я увидела перед самым лицом его до блеска начищенные ботинки. Он присел на корточки и продолжил свою тираду, каждое слово которой было равносильно новому удару по голове:

– Когда решали мою судьбу, ни один из этих дворянжек не сказал ни слова в мою защиту, позволив сделать меня тем, кем я являюсь сейчас. Теперь я сам себе судья, и уже вынес вашей любви смертельный приговор!

Я заскулила с новой силой, когда его глаза прожгли меня до самого сердца и почти ничего не чувствуя, кроме уже знакомой слабости и желания спать, я услышала отдаляющиеся шаги в сторону окна.

– Мы еще встретимся, обещаю, Элизабет! – сказал он, и выпрыгнул в окно.

Глава 9. Обещание.

Я хотела поползти до кровати, но тело не слушалось, не было сил даже пошевелить рукой. Мне было неприятно от мысли, что Дэвид будет винить в случившемся себя, но я была лишена возможности что-либо изменить до его возвращения. Лежа на полу, как тряпичная кукла, я проваливалась в сон и приходила в себя, не прекращая попыток ползти. В короткие минуты сознания меня охватывала тревога, что его до сих пор нет, а с другой стороны я была рада, что он не видит меня такой.

Я в очередной раз вынырнула из забытья, когда чьи-то руки схватили меня за плечи и стали поднимать. Мне казалось, что меня пытаются разорвать на куски, настолько были сильны движения, и настолько ослабло мое тело. Голова раскалывалась на сотню маленьких кусочков, при каждом несущественном шевелении пальца, не говоря уже о такой тряске.

– Элизабет, милая, очнись, он был здесь? Он приходил? – его голос пронзил мое сознание.

Мне захотелось его успокоить, и с этим чувством пришло блаженное понимание, что уже нет надобности ползти к кровати и можно просто УСНУТЬ.

– Я хочу спать, Дэвид, – отозвалась я, корчась от невыносимой боли, усилившейся от движения головой.

Он ничего не ответил и молча взял меня на руки. От него исходил магический аромат, напоминающий смешанный запах кофе, шоколада и апельсина.

Открыв глаза в полной темноте и резко сев на кровати, я схватилась за больной затылок. Включив ночник, я быстро восстановила все события вечера и взглянула на часы:

– Час тридцать! Мама! Она, наверное, волнуется!

– Она была здесь час назад.

Успев добежать до двери, я обернулась на голос и с облегчением выдохнула:

– А, это ты...

– Она заходила к тебе перед сном и проверила, есть ли у тебя температура, – он подошел и встал в двух шагах от меня, – Не стоит идти к ней в таком состоянии. Дождись утра, Элизабет. Может, поспишь еще?

– Она не видела меня без сознания? – я ответила вопросом на вопрос.

Он отрицательно помотал головой.

– Я уже выспалась. Ты ведь не уйдешь больше?

Его лицо стало каменным. Он рассеянно запустил пальцы в свои густые волосы и произнес:

– Милая, прости меня! Прости!!! Я не могу понять, как так получилось, ведь меня не было всего пятнадцать минут!

– Пятнадцать минут... – я автоматически повторила его слова, – Мне показалось, что целую вечность, я даже волновалась, думала, с тобой что-то случилось.

Он невесело улыбнулся:

– Ты волновалась за меня, когда он издевался над тобой? Почему ты смотрела ему в глаза, ты же знала, что нельзя?

Я отвернулась и пошла к кровати.

– Я не виню тебя, здесь только моя вина и моя ошибка, просто не могу понять...

– Он мог навредить маме. Она приходила...

Дэвид сжал кулаки и отвернулся к окну. А я, сдерживая слезы, произнесла:

– Он был Хранителем Лорен. Они любили друг друга, но им не позволили! Сделали его вампиром, а ее заставили все забыть!!! Заставили, понимаешь? – речь получалась несвязной, голос начал срываться, и я зарыдала.

– Я знаю, Элизабет. Я был там, когда решали его судьбу, но поскольку у меня не было опыта, мой наставник велел молчать, иначе меня бы сделали таким же вампиром. Ты не знаешь ничего о них и их законах.

Все его оправдания были уже ни к чему – именно после этих слов я приняла решение, что любить его мне запрещено.

«Если это ставит его существование как Хранителя под угрозу, то он о моих чувствах не узнает».

Он сел рядом со мной на кровати. Несмотря на то, что сердце рвалось из груди от нежности, я заставила себя сказать то, чего не хотела говорить больше всего на свете:

– Уходи из моей жизни!!!

«Как он может улыбаться, когда я его гоню? Значит ли это, что он не чувствует ко мне ничего? Пусть так. Я даже счастлива».

– Милая, мне некуда идти. Пути назад тоже нет. Нет никаких причин, чтобы сказать им, что мне нужен другой подопечный. Я привязан к тебе, как новорожденный к матери и разорвать наш контакт в силах только Старейшины.

– Скажи, что устал от меня, что я вызываю сильный отток, придумай что угодно! – я цедила слова сквозь зубы.

– Успокойся! – он был зол, – Я этого никогда не сделаю. Даже если они поступят со мной, как поступили с Эриком, я буду счастлив просто видеть тебя, Элизабет.

Он притянул меня к себе и прижал к своей груди. Его сердце билось медленно, ровно и без перепадов, в отличие от моего, которое выстукивало ритм через раз.

Слезы лились ручьем еще какое-то время, затем пришло долгожданное спокойствие, и я стала засыпать под этот стук.

Я спала чутко и он боялся пошевелиться. Придерживая одной рукой мою голову, он бережно стал укладывать меня на кровать. Но, как только я перестала слышать стук его сердца – я открыла глаза, а он так и замер, держа меня в своих руках.

Его взгляд блуждал по моему лицу, постоянно останавливаясь на губах, а горячее дыхание заставляло сердце стучать чаще.

– Прости, я разбудил тебя... – обжигая мои губы своей близостью, сказал он, и я с трудом удержала себя от поцелуя.

Пытаясь сдержать свое обещание, что он не узнает о моих чувствах, я мягко отстранила его и сказала:

– Поговори со мной еще.

– Элизабет, тебе надо отдохнуть, иначе ты завтра снова будешь спать на парах, – он тут же осекся.

– Это твоих рук дело? – улыбнулась я, вспомнив тот день и мистера Мейсона, который даже не подозревал, что я сплю на его паре.

«Представляю его лицо, если бы он меня увидел».

– Просто ты была расстроена и выдалась хорошая возможность дать тебе отдохнуть.

Мы оба рассмеялись.

– Голова болит? – спустя пару минут поинтересовался он.

– Почти нет, – я машинально потерла затылок и совсем не удивилась, что на нем кроме почти зажившей ранки ничего не осталось, только волосы немного слиплись от крови.

– А вампир может убить Хранителя? – решила сменить тему я.

– Да, если у Хранителя бьется сердце.

– А как становятся Хранителями? Обычный человек может стать им?

– Может только ребенок не больше трех лет, при условии, что один из родителей Хранитель. Нас долго воспитывают в другом мире и с раннего детства готовят к тому, что мы созданы для людей; учат их охранять, отучают от сна и человеческой пищи. Но изначально мы происходим от ангелов.

– Ты сказал, «нас учат», когда говорил о человеческих детях, ты что, был человеком???

– Я не знаю, кем был, даже если и человеком, это не имеет никакого значения. Все равно я ничего не помню о человеческой жизни! Я же сказал, что детей берут совсем маленькими, – мне показалось, что он злится.

– Да, но у тебя бьется сердце, – неуверенно надавила я.

– Так бывает у некоторых из нас.

– Кто родился ребенком, а не ангелом! – я не желала отступать.

– Элизабет, это не имеет значения! Ложись спать, уже четыре утра!

Он встал с кровати, и я, больше не пререкаясь, закуталась в одеяло.

Глава 10. Первая любовь.

Эту ночь мне удалось поспать всего пару часов, но утром я проснулась бодрой и в хорошем настроении. Больной еще вечером затылок, почти не давал о себе знать, и это радовало.

Его, как обычно, не было видно, и, не удержавшись, я посмотрела на подоконник. Как и предполагалось – никого, но я огорчилась.

«Я здесь, милая!», – произнес его голос в моей голове.

– Как ты это делаешь? – не успев скрыть счастливую улыбку, прошептала я.

«Делаю что?»

– Как ты разговариваешь со мной через мои мысли?

«Это иллюзия, я говорю обычным голосом, но ты меня не видишь, поэтому тебе кажется, что это звучит в твоих мыслях».

– А где ты сейчас?

«Сию там, куда ты смотришь! Знаешь, мне на мгновение показалось, что способности уже появились, и я видим, потому что ты смотришь мне прямо в глаза».

– Почему ты постоянно там сидишь? – пытаюсь скрыть смущение, спросила я.

«Питаюсь энергией. Луну не видно, но она на небе. Я получаю то, что хочу, хоть и в мизерном количестве».

Я улыбнулась и не спеша встала с кровати, направляясь в душ. Сегодня занятий намечалось немного, и это внушало надежду на хороший день.

Спускаясь вниз по лестнице, я удивилась, увидев маму на кухне.

– Мам, а который час? Ты не опаздываешь?

– Я попросила Нотеллу постоять за меня пару часов, – неуверенно произнесла она, с любопытством разглядывая меня, – Я просто ждала, пока ты проснешься, чтобы убедиться, что тебе уже лучше.

– О, мама! Мне так неудобно, прости! – искренне раскаиваясь, протянула я.

– Иди ко мне, Элизабет, – Мэри раскрыла объятия, совсем как в детстве, когда провинившись и в ожидании наказания, я оказывалась в ее объятиях. Она всегда делала так, чтобы я не испытывала чувства вины.

Я подошла и позволила ей обнять себя, вновь очутившись в беззаботном детстве, пахнущем мамиными духами и ее любящими поцелуями. Она никогда не была сентиментальна и плакала в очень крайних случаях, как тот, что случился недавно, когда мои друзья вернулись без меня, чтоб сообщить ей, что я пропала.

«Бедная мамочка, что ей пришлось пережить...»

Мы выпили чай и стали собираться. Мама работала в магазине детской одежды недалеко от дома, но, несмотря на то, что идти до работы было совсем немного, она охотно согласилась на мое предложение подвезти ее, учитывая тот факт, что ее сменщица сидела сверхурочно уже два часа за нее.

Мы подъехали к магазину, но мама задержалась и, повернувшись ко мне, спросила:

– Элизабет, ты влюбилась?

До меня не сразу дошел смысл вопроса, настолько он был неожиданным. Мы с мамой никогда не говорили об этом, и я просто понятия не имела, что ответить.

"Если скажу «да», Дэвид услышит, и я нарушу обещание, данное себе. Но врать маме тоже не хочется."

– Ма-ма! – затаила я, заставив себя улыбнуться.

– Я просто не вижу другого объяснения, ты постоянно сама не своя, то ты сияешь, то тебе плохо без всякой причины... Если ты влюбилась, то можешь поделиться со мной. Я смогу тебе помочь, – она смотрела на меня в упор суровым и любящим взглядом, полным переживания за собственное чадо.

– Знаю. Когда мне будет необходима помощь, я приду к тебе за советом. Спасибо, я люблю тебя, мамочка!

Вроде бы ответ получился неоднозначный, так что я осталась довольна собой.

Она поцеловала меня и вышла из машины, а я нервно нажала на газ, оставляя следы шин на мокром, от ночного дождя, асфальте.

Встретившись у входа в университет, мы как всегда, постояли немного, обсуждая, кто и чем займется вечером, и разошлись по кабинетам.

Ник уселся со мной. Мы всего несколько дней, как стали друзьями, а я уже привыкла к его обществу. Он необычный парень: немного обидчивый, зато верный и с глубокой душой.

Мы переписывались первые две пары, исписав пятнадцать листов из его тетрадки, и все равно не наговорились.

«Ты так и будешь все время одна или, наконец, найдешь себе пару?» – он придвинул ко мне тетрадь и отвернулся, улыбаясь одними глазами.

Мне ужасно хотелось написать, что уже нашла, но я удержалась, снова вспомнив свое обещание.

« Не везет с этим делом...»

«Хочешь, познакомлю?»

Я опешила и около минуты грызла кончик ручки. Ник не выдержал и вопросительно посмотрел на меня.

«С кем?» – наконец нашлась с ответом я.

«Есть ребята, такие же, как ты... Слегка не в себе...»

Он отвернулся и засмеялся, прикрыв рот рукой, а я толкнула его в плечо. Оставляя вопрос без ответа, я написала:

«Ты точно больше на меня не в обиде, Ник?»

Он не стал ничего писать, просто сдвинул брови к переносице, и улыбнулся.

Прозвенел звонок, и мы с ним рванули в столовую, по пути толкая друг друга и смеясь, как дети. Я влетела в столовую, с визгом расталкивая толпу, и уселась на стул, рядом с Робом, спрятав голову под столом на его коленях. Следом ворвался Ник, весь взъерошенный и со словами:

– Где эта зараза, – тяжело дыша, сел рядом с Лорен.

Время пролетело незаметно, и, перекусив, мы направились по кабинетам. У ребят было хорошее настроение, у всех, кроме Роба. Весь перерыв он вел себя очень странно, почти не улыбался и все время смотрел сквозь меня, в окно.

На последних двух парах переписываться было некогда, мы много конспектировали, и к моему счастью, вопрос Ника о его «интересных» друзьях остался без ответа.

Я всегда считала себя способной девушкой: мне достаточно внимательно слушать и конспектировать лекции, вчитываясь в каждое слово, и тогда можно к экзаменам уже не готовиться. Но сегодня вчитываться не получилось, ни на первых двух парах, когда мы с Ником устроили письменные переговоры, ни на последних, когда все мои мысли кружились вокруг Дэвида.

«Я счастлива, что вечером увижу его, что он сейчас рядом и смотрит на меня. Не уверена, конечно, в его чувствах ко мне, больше склонна к тому, что он просто выполняет свою работу, но меня это не тревожит. Он, не зная о моих порывах и не любя, дает мне все, необходимое для подпитывания моей любви, и за это я благодарна. Главное, чтобы у Лорен все было хорошо с Ником и у Сони с Робом, а моя любовь греет меня и без взаимности. Роберт...»

Имя друга я произнесла уже шепотом и резко выпрямилась на стуле от того, что меня буквально пронзила своей внезапностью догадка, в которую было трудно поверить. Соединив в голове два имени – Роба и Дэвида, я поняла, почему Роб так странно вел себя на перерыве.

«Роб в столовой смотрел не сквозь меня, а конкретно на... Дэвида. Он смотрел не в окно, как мне казалось, а на подоконник, на котором постоянно сидит Дэвид. Неужели он, как и я, его видит? Но тогда Дэвид сказал бы мне об этом раньше... Значит, он тоже Хранитель?! Поверить в это трудно, но другого объяснения я не нахожу. Чей он Хранитель? Сони? Дэвид говорил, что охраняет меня месяц... и ровно месяц назад Роб перевелся на факультет Сони! Значит, это Роб был моим Хранителем! И это объясняет совпадения, когда ему удавалось оказываться рядом в опасных ситуациях и выручать меня еще со школы!»

В голове не укладывалось. Я неспособна была усидеть на месте до конца занятий и, отприсившись, выбежала из кабинета под пристальным и ничего не понимающим взглядом Ника.

Уверенная, что Дэвид испугался и сейчас следует за мной, я, не сворачивая в сторону уборной, побежала вниз по лестнице.

Здание нашего университета было построено еще до Гражданской войны, поэтому большинство кабинетов на цокольном этаже не использовались из-за сырости и аварийности. Они служили архивами. В одном из таких кабинетов студенты сорвали старый замок и поставили свой, имеющий только вид нормального замка, на самом деле открывающийся даже без ключа. Я ни разу там не была, но знала, где находится этот кабинет и что он заставлен старыми пар-

тами, картами и прочим хламом. Я не хотела думать о том, кем и в каких целях использовалось это место, мне просто было необходимо срочно увидеть Дэвида и поговорить с ним наедине.

Пока я бежала туда по лестнице, моя голова раскалывалась от его допросов:

«В чем дело, Элизабет?! Куда ты? Остановись!».

Я его не игнорировала, просто не могла ответить вслух. Разговаривать "с собой", когда вокруг столько людей не очень правильно. Поэтому я перепрыгивала через ступени, чтобы скорее оказаться на месте и не слышать его переживаний.

Я свернула в пустынный темный коридор, по которому пробираться можно было только на ощупь, по причине отсутствия электричества. Его не тратили на этот этаж попусту, потому что сюда спускались редко, только за архивными материалами.

Дэвид возник рядом, словно из ниоткуда и молча, прошел за мной до нужной двери. Он выглядел просто великолепно: густые черные волосы зачесаны назад, одет во все черное. Поверх черной водолазки, облегающей его тело и выступающие мышцы, была надета толстовка с широким капюшоном и на змейке, застегнутой до середины грудной клетки. Черные джинсы и черные кроссовки завершали без того сводящий с ума образ. Я так бы и стояла, нагло разглядывая и восхищаясь, если бы не его вопрос, вернувший меня к жизни:

– Может, объяснишь?

Развернувшись к замку, я стала его судорожно дергать, понимая, что ни разу не интересовалась, как он открывается. Осознав, что мне его не открыть, я прошипела:

– Нам нужно поговорить, но не здесь.

Он правой рукой притянул меня к себе. Я вспыхнула от такой неожиданной близости, и в следующий момент мы оказались внутри кабинета. На какое-то время я потеряла дар речи и уж точно не собиралась его отталкивать, а он держал меня, на тот случай, если не смогу устоять с непривычки. Я вспомнила, как он исчезал у меня на глазах с той женщиной на руках и произнесла:

– Вот это класс...

Ощущения были сродни тем, что испытываешь на аттракционах, которые высоко забрасывают тебя вверх и заставляют сердце замирать от страха и восторга.

– Элизабет, зачем мы здесь? Ты снова видела Эрика?

Я пришла в себя, и от воспоминаний об Эрике по спине поползли мурашки.

– Нет-нет! Это не то! Я просто... не знаю, как сказать...

Черные глаза не выражали нетерпения, только обеспокоенность.

– В общем, я знаю, кто был моим Хранителем до тебя. Это Роб, ведь так?

Он расслабился, и его широкие плечи опустились вниз, отпуская напряжение, в котором он находился все эти минуты.

– Но как?

Я быстро объяснила:

– Догадалась. Он всю перемену в столовой пялился в окно. Я не сразу поняла, что он на тебя смотрит, но потом сопоставила твои рассказы о том, что ты охраняешь меня месяц и тому подобное и все сошлось.

– На самом деле он ушел от тебя не от усталости, это глупое оправдание, – помолчав, сказал он, – Просто ничего умнее я не придумал. Когда умерла мама Сони, эта девушка нуждалась в опытном Хранителе, но к ней отправили меня. Я был с ней со дня смерти ее мамы, и понял, что не справляюсь. Мы с Робом попросили разрешения у Старейшин, а затем обменялись подопечными.

– А почему он на тебя так смотрел в столовой?

– Мы можем читать мысли друг друга. Он недоволен тем, что ты знаешь все, и боится за нас обоих.

Я искренне удивилась:

– А за меня-то почему?

– Я говорил тебе, что Роб – Хранитель трижды дольше меня и знал Эрика лично. Он слышал, что Старейшины скоро появятся, желая убедиться, что мы справляемся с новыми подопечными, и когда они прочтут наши с тобой мысли, он ничем не сможет помочь. По его словам, я повторяю ошибку Эрика. Он переживает.

– Я слишком много знаю, да?

– Не паникуй, Элизабет. Тебе нечего бояться. Тебе ничего не сделают.

– Я не о себе волнуюсь! Сотри мне память на время, пока они не уйдут!

– Это не поможет, – его голос стал тише.

– Но почему???

– Потому что даже если ты не будешь помнить меня, я буду постоянно думать о тебе, не как о подопечной!

Я молчала и пыталась понять смысл его слов. Мне было трудно поверить в то, что он говорит. Его глубокие большие глаза с густыми пышными ресницами смотрели мне прямо в душу, не давая пошевелиться.

Он облокотился на стену и продолжил:

– Они все равно накажут меня и заставят корректировать твою память. Так подари мне хотя бы эти несколько дней до их прихода, дай мне побыть с тобой, милая, не проси меня стереть тебе память!!!

«Я сплю? Неужели это он ко мне обращается?»

Было ощущение, что на меня ведро холодной воды вылили после его слов. Я была настолько слепа с мыслью о своей безответной любви к нему, что не замечала той нежности, с которой он прикасался ко мне, и которая наполняла этот старый кабинет. Я прошептала:

– Я люблю тебя.

Он застыл статуей на некоторое время, а потом последовал удар кулаком о стену:

– Я не думал, что ты тоже. Ты даже не представляешь, во что я втянул тебя! Ты не знаешь, что делает любовь к Хранителю! Когда тебе сотрут память, ты еще долго не сможешь никого любить! – он чеканил слова, – При каждой влюбленности тебе будет рвать грудную клетку от боли, и ни один врач не сможет назвать причину. Это будет до тех пор, пока я буду рядом. А я не смогу тебя покинуть, ближайшие лет тридцать, пока за тобой не перестанут охотиться. Другого Хранителя тебе не дадут, и ты постоянно будешь в опасности! – он почти сорвался в крик.

Я притихла, прошептав:

– Лорен... – и вспомнила суматоху вокруг нее в кафе, когда она от боли не могла дышать.

– Я знаю, что ты помнишь это. У тебя будет так же. А я не смогу уйти, зная, что ты в опасности.

Я перебила его движением руки:

– Все, Дэвид, хватит! Мне все равно, что у меня будет болеть, и кто будет за мной охотиться! То, что я чувствую сейчас к тебе – вот что важно, и ответное чувство с твоей стороны для меня меняет все! – я не привыкла произносить такие слова, точнее ни разу и никому не говорила их.

Он подошел ко мне уверенным шагом и снова прижал к себе. Перед глазами все поплыло, то ли от энергии, которая заполнила все мое существо, то ли от близости и аромата его тела. Через секунду мы оказались в коридоре, и он отпустил меня, убедившись, что я твердо стою на ногах.

– Тебя нет уже двадцать минут. Скажи, что тебе было плохо, но с пары не отпрашивайся, увидимся вечером.

И он исчез. Опустошенная и в тоже время наполненная, я направилась в кабинет.

Не в состоянии о чем-либо думать, я с трудом удерживала себя на месте до конца пары. Во мне боролись два чувства – безумная радость, что он любит меня, и боль, что у нас с ним совсем не остается времени.

Мне требовалось немало усилий, чтоб стараться выглядеть обычной и делать вид, что все нормально.

– Где ты была, Элизабет, что случилось? Ты вылетела из кабинета, как ошпаренная! – улучив момент, спросил Ник.

– Мне стало нехорошо, – шепотом ответила я.

Он недоверчиво посмотрел на меня, но его любопытство прервала мисс Морган, задав ему вопрос по теме, которую мы проходили на прошлом занятии. Он нашелся с ответом, и больше уже ко мне не приставал до конца пары.

Со звонком я сразу вскочила и собралась, только и успев чмокнуть Ника в щечку, сославшись на неотложные дела.

– До завтра, – кинула я, выбегая из кабинета.

– Хорошо, но я был прав, говоря, что ты не в себе! – крикнул он вслед. Чтоб хоть как-то ему возразить, я показала язык.

Всю дорогу до машины, я шептала:

– Знаю, ты слышишь меня! Неважно, что сейчас только два часа дня – как только я буду дома, ТЫ сделаешь что угодно, но я должна тебя увидеть!

Я запрыгнула в машину, и завела мотор:

– У нас и так немного времени, и я не могу сидеть и ждать, пока тебя отберут у меня!!!

Непрощенные слезы хлынули из глаз, и я нажала на газ. Незванная тишина стояла между нами, она и послужила мне ответом.

Глава 11. Биение сердца.

Подъехав к дому, я посмотрелась в зеркало заднего вида и вытерла слезы. Дождь струился непрерывными линиями, но мне не страшно было промокнуть. Я вышла из машины, и, захлопнув дверь, не спеша пошла по аллее. Ощущение того, что он рядом и молча разделяет мое внутреннее состояние, делало меня счастливой. Капли дождя смешивались с моими слезами и водой стекали вниз, на мокрый безразличный асфальт.

До прихода мамы была уйма времени, и этот факт немного повлиял на мое настроение. Не хотелось, чтобы она видела меня такой угрюмой. Я успела вымокнуть, и, прихватив в своей комнате сухие вещи, прошла в ванную. Расчесывая волосы, я рассматривала свое растерянное лицо в зеркале. Переодевшись в сухое и автоматически закинув вещи в корзину, я вышла.

– Дэвид...

Расхаживая по комнате в попытках успокоиться, я собирала и раскладывала по местам разбросанные повсюду вещи.

«Я здесь».

– Мне мало этого, я хочу тебя видеть!

«Это невозможно еще полдня до того, как луну станет видно».

– Скажи мне, где ты? – немного успокоившись, спросила я.

«Как всегда, сижу на подоконнике».

Я стояла в нескольких шагах от окна и пыталась вспомнить в деталях, как именно он обычно сидит на подоконнике. Черты его лица легко всплывали в памяти, неестественно красивые, наполненные и ставшие родными за такой маленький срок.

Волнение так и плескалось в области солнечного сплетения, словно хотело пробить меня изнутри. Ощущения, наполняющие меня, были непередаваемы – я представляла его так четко, как будто видела на самом деле. Мне хотелось прикоснуться к нему прямо сейчас, почувство-

вать на губах его дыхание снова. Если бы раньше я знала, что мои чувства взаимны, то не сдерживала бы тогда своего порыва.

«Элизабет, о чем ты думаешь?», – прервал он мои мысли.

Я совершенно забыла, что стою и смотрю на него.

«Сколько я уже так стою?»

– О тебе... когда я тебя не вижу, мне кажется, что все было сном.

Он рассмеялся.

«Прислушайся, ты должна услышать...»

– Услышать что?

Я вслушалась в тишину, пытаюсь уловить каждый звук, чтобы понять, о чем он говорит. Все было как обычно: шум машин за окном, удары капель о крышу и подоконник снаружи, шелест ливня на тротуаре, шум работающей сплит-системы. Что еще я должна была услышать?

«Я стою совсем рядом, между нами не более тридцати сантиметров. Я чувствую запах твоих волос, смешанный со свежестью дождя, тепло твоего дыхания и слышу, как бьется твое...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.